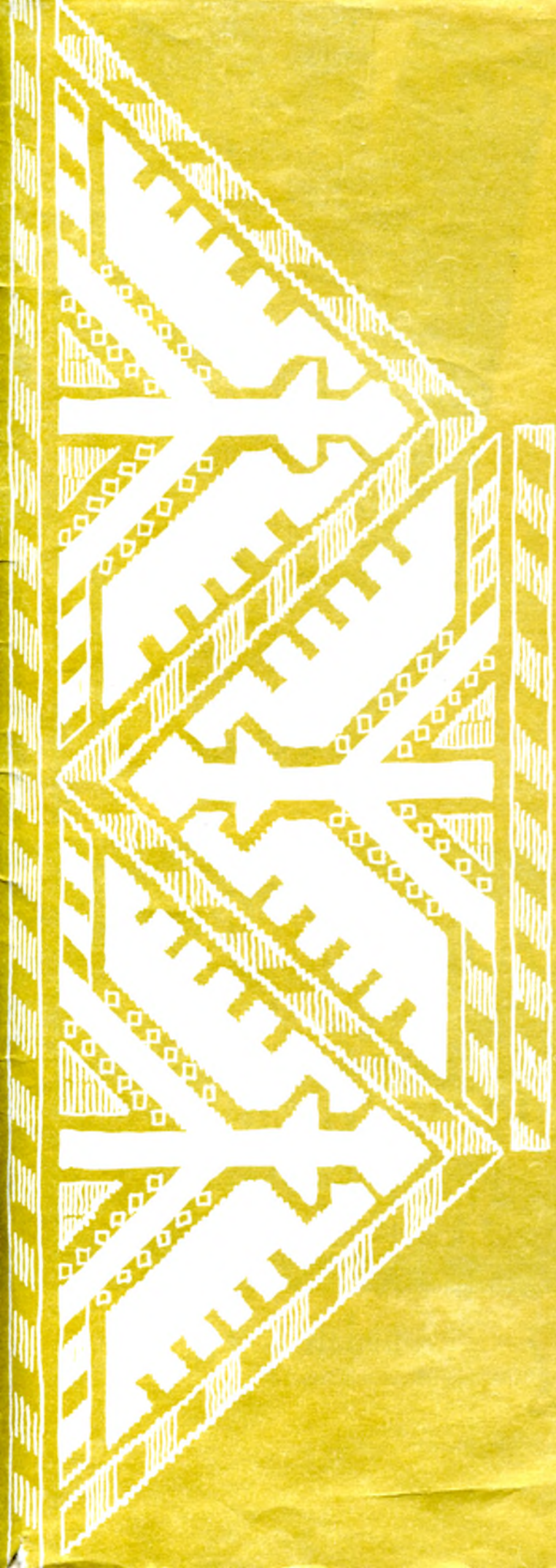

Р. Б. Ахмеров

**ОБ ИСТОКАХ
ДЕКОРАТИВНО-ПРИКЛАДНОГО
ИСКУССТВА
БАШКИРСКОГО НАРОДА**

**ОБ ИСТОКАХ
ДЕКОРАТИВНО-ПРИКЛАДНОГО
ИСКУССТВА
БАШКИРСКОГО НАРОДА**

Р. Б. Ахмеров

**ОБ ИСТОКАХ
ДЕКОРАТИВНО-ПРИКЛАДНОГО
ИСКУССТВА
БАШКИРСКОГО НАРОДА**

Ахмеров Р. Б.

А 95 Об истоках декоративно-прикладного искусства башкирского народа. — Уфа: Китап, 1996. — 64 с.: ил.
ISBN 5-295-01550-0

Работа старейшего археолога нашей республики, знатока истории башкирского народа Р. Б. Ахмерова освещает исторические корни декоративно-прикладного искусства башкир. При помощи сопоставления и сравнения искусства башкир и древних племен края автору удалось наглядно показать истоки декоративно-прикладного искусства башкирского народа и раскрыть семантику многих сюжетов. Это — первая книга, посвященная данной теме, доселе не освещенной.

А $\frac{4904000000 — 103}{М 121 (03) — 96}$ 5 — 96

ББК 85.12 (2 Рос)

ISBN 5-295-01550-0

© Ахмеров Р. Б., 1996

Об авторе

Я с большой радостью принял предложение издательства «Китап» написать предисловие к этой книге. Естественно, речь пойдет об авторе.

О Рауфе Бареевиче я впервые узнал в 1953 году, когда учился на II курсе исторического факультета Пермского университета. Тогда мой руководитель профессор О. Н. Бадер предложил мне написать реферат на тему «Археологические исследования на территории Башкортостана». Работая над этой темой, я обратил внимание на фамилию Р. Б. Ахмерова — автора таких фундаментальных статей, как «Некоторые вопросы этногенеза башкир по археологическим данным» (Советская этнография. № 3. 1953), «Уфимские погребения VI — VIII вв. нашей эры» (Краткие сообщения Института истории материальной культуры АН СССР) и других, опубликованных в центральных академических изданиях. В 1955 году в серийном издании Института археологии АН СССР (№ XXII) появилась следующая чрезвычайно ценная большая статья автора «Могильник близ г. Стерлитамака», в которой он публикует сведения о богатых находках могильника VIII — IX вв., сильно разрушенного в ходе строительства Стерлитамакского содового комбината. По существу, это были самые первые и серьезные публикации по раннесредневековой истории Башкортостана в центральных академических изданиях, и автором их был Рауф Бареевич. Судя по содержанию и значимости работ, я зримо представлял его как солидного ученого на уровне профессора.

Лишь после возвращения из университета в Уфу я узнал, что Р. Б. Ахмеров работает сотрудником Башкирского республиканского краеведческого музея (последующие долгие годы он возглавлял его коллектив в качестве директора) и оставался им всю жизнь. Наука — археология, этнография, история, фольклор — были призванием, но для него всегда оставались на втором плане, т. к. его отвлекали административные и хозяйственные работы как руководителя-директора.

Сейчас Рауфу Бареевичу 84 года, но, когда ему исполнилось 60 лет, в одну из республиканских газет я отнес небольшую статью об ученом-юбиларе. Но её не опубликовали — очевидно, личность ее героя не полностью соответствовала строгим требованиям, по которым тогда отбирались подобные статьи к публикации. Теперь, пользуясь случаем, считаю необходимым дать о нем некоторые сведения биографического характера.

Рауф Бареевич родился 25 февраля 1911 года в семье крестьянина небольшой деревни Сарт-Лабау Иглинского района Башкортостана. Для своего времени его отец был образованным человеком, до 1920 года исполнял обязанности деревенского муллы. Интересно, что он с радостью встретил весть об Октябрьской революции, под впечатлением происшедших в стране коренных преобразований в 1920 году он официально отказался от своего духовного сана.

Рауф Бареевич рано лишился родителей. Дальнейшая его биография во многом похожа на биографии миллионов советских людей: был пионером, комсомольцем. Серьезный трудовой этап жизни начался в 1927 году, когда он поступил в Стерлитамакский педагогический техникум. После его окончания работал сельским учителем. Тяга к знаниям привела его в 1932 году в город Уфу, где он поступил в Педагогический институт имени Тимирязева, но окончить его ему не пришлось. Начиная с 1927 года его постоянно преследовало прошлое, а именно то, что отец был муллой. Последовали поощряемые властями доносы, и после очередной нападki такого рода Рауфу Бареевичу в начале 1934 года пришлось оставить институт. Начались скитания по стране, закончившиеся тем, что в конце 1934 года он поступил на двухгодичные Высшие музейные курсы в Москве. После их окончания он был направлен в Казань, где заведовал отделом истории Центрального краеведческого музея. В казанском музее близко сошелся с видным археологом А. П. Смирновым; в частности, они вдвоём заново оформили экспозицию музея по разделам археологии, истории волжских болгар и Казанского ханства.

В 1937 году по состоянию здоровья и по рекомендации врачей Рауф Бареевич переезжает в Крым, где сначала работает в музее города Симферополя, а затем Херсонеса в Севастополе. Война застает его именно в этом городе. Он принимает активное участие в эвакуации музейных ценностей на Урал, обороне города Сева-

стополя в ополченческом отряде. В конце декабря 1941 года его, тяжело больного, эвакуировали на Кавказ: работал в музее города Махачкалы, а затем в районном комитете ВКП(б). Награжден медалью «За оборону Кавказа».

На родину, в Башкортостан, Рауф Бареевич вернулся в 1945 году, устроился инспектором Управления по делам культпросветучреждений при Совете Министров Башкортостана. В 1947 году перешёл на работу в Республиканский краеведческий музей.

Следует сказать, что с началом войны краеведческий музей был закрыт, здание передано новым учреждениям, среди которых было много эвакуированных из центра. Из рассказов ветеранов краеведческого музея я знаю, что во время войны экспонаты музея были сложены в ящики и хранились где-то во дворе, в сарае. В этой обстановке после окончания войны, по существу, пришлось заново создавать научную экспозицию музея. Вся эта сложная и кропотливая работа блестяще была выполнена коллективом сотрудников. В этом немалая заслуга и Рауфа Бареевича. При его активном участии были созданы музеи в городах Белорецке, Баймаке, Белебее, Мелеузе, в Малоязе, музей М. Гафури в Уфе, В. И. Чапаева в Красном Яре, Иванова в Слакбаше и других местах, которые затем стали филиалами Республиканского краеведческого музея, преобразованного недавно в Национальный музей Республики Башкортостан.

Как частый посетитель музея я хорошо знаю, что в годы работы Рауфа Бареевича в музее были заново проведены учет и систематизация фондов научных коллекций и они постоянно обновлялись за счет организованных сборов и частных поступлений. В музее Рауф Бареевич работал до 1972 года, до ухода на пенсию. За заслуги в области культурно-просветительской деятельности ему присвоено звание «Заслуженный работник культуры РСФСР». Он награжден орденом Отечественной войны II степени и многими медалями.

Повседневно выполняя кропотливую работу музейного работника, Рауф Бареевич углубленно изучал древнюю историю, археологию и этнографию. Источниками информации для него явились богатые музейные коллекции, которые до него оставались вне поля зрения ученых. О его способностях в деле научного обобщения такого рода материалов говорит хотя бы то, что в период 1946 — 1951 годов в крупнейшем в СССР академическом журнале «Вестник древней истории» было опубликовано шесть больших по объему статей о древнегреческих амфорах в Северном Причерноморье. Специалисты и сейчас высоко оценивают эти работы в плане профессионального обобщения своеобразного по характеру археологического материала.

Этот талант особенно ярко раскрылся в годы работы в Башкирском Республиканском краеведческом музее — главном хранилище коллекций Башкортостана по археологии и этнографии. Прежде всего Р. Б. Ахмеров занялся введением в научный оборот находок, которые поступили в фонды музея в 30 — 40-х годах из погребений VII — VIII веков, обнаруженных и разрушенных во время различных земляных работ на территории города Уфы. Для археологии Урала и Евразийских степей эпохи раннего средневековья эти погребения являются уникальными: они оказались чрезвычайно богатыми золотыми и серебряными изделиями (всевозможные шейно-нагрудные украшения, серьги, пряжки, перстни и др.). В совокупности они свидетельствовали о том, что племена Южного Урала в древности создали развитую и самобытную культуру, ни в чем не уступающую культуре народов других районов тогдашней Евразии. Мы до сих пор поражаемся научной прозорливости Рауфа Бареевича как ученого. К началу 50-х годов вся археология Урала оставалась еще плохо изученной, было слишком мало фактов для сравнительного анализа, разработки возраста памятников и общеисторических выводов. Несмотря на это, исследователь сумел правильно определить время этих находок (VI — VIII вв.) и высказать обоснованное мнение о том, что эти памятники оставлены племенами — ближайшими предками башкир, известных уже по письменным источникам IX — X вв. под собственным именем «башкорт».

Свои изыскания о древнейших этапах происхождения башкирского народа Рауф Бареевич развернуто изложил в упомянутой выше статье, опубликованной в 1952 году в журнале «Советская этнография». В данной работе автор на основе систематизации археологических материалов составил краткий очерк древней и средневековой истории Башкортостана, проследил особенности смены народов в крае. Один из важных выводов ученого состоит в том, что башкирские племена

IX — X вв. он рассматривает как основное население территории Южного Урала и стремится археологически проследить, что в формировании их культуры, образа жизни, физического типа активную роль сыграли местные и пришлые племена VI — VIII и ещё более ранних веков. Процесс формирования башкирского народа, согласно его мнению, есть сложный, длительный и динамический исторический процесс, где трудно выделить какие-либо узкие периоды как наиболее важные. Здесь и в последующих своих работах Рауф Бареевич высказывал убеждение в том, что формирование башкирского народа шло на территории Южного Урала.

Среди около 50 научных статей ученого особое место занимает статья «Могильник близ г. Стерлитамака», где публикуются богатые материалы о предметах (сабли, стрелы, наконечники стрел, серебряные и глиняные сосуды, шейно-нагрудные украшения), найденных в погребениях. Тот факт, что во многих могилах оказались и золотые привозные монеты, а также блестящая публикация о находках превратили этот памятник в эталонный для выделения древностей Евразии VIII — IX вв. Ни одно исследование по истории и культуре народов широких евразийских степей до сих пор не обходится без ссылки на эту работу; в этом смысле влияние работ Р. Б. Ахмерова на развитие археологической и исторической науки в СССР и России было существенным.

Рауф Бареевич плодотворно работал и в области исторической этнографии башкир. Мне доподлинно было известно, что к началу 70-х годов он подготовил две монографии (читал в рукописи), одну из которых Башкирское издательство «Китап» выпустило отдельной книгой в 1994 году («Наскальные знаки и этнонимы башкир»), а вторая публикуется в виде настоящей книги. Таким образом, обе эти книги в основном были завершены ещё более 20 лет тому назад и рукописные их варианты хранились в архиве исследователя. Но, находясь на заслуженном отдыхе, автор продолжал работу над их совершенствованием.

Следует оговориться, что за последние 20—30 лет изучение древней и средневековой истории Башкортостана и башкирского народа, археологии и этнографии заметно продвинулось. Достаточно сказать, что по ним защищено много докторских, кандидатских диссертаций, опубликовано немало монографических работ, но ни одна из них не дублирует и по тематике почти не соприкасается с упомянутыми двумя работами.

В книге «Наскальные знаки и этнонимы башкир» исследователь впервые подверг подробному анализу тамги на древних археологических предметах с территории Башкортостана и сопоставил с известными башкирскими тамгами. Следует признать, что это — область исторического познания, изучение которой только начинается, и Рауф Бареевич — один из пионеров такого начинания. Тамгообразные знаки встречаются повсюду: на горшках, мечях, скалах, камнях; встречаются плиты, поверхность которых испещрена такими знаками. Примером сказанному может служить знаменитая калмашевская плита, привезенная в конце 30-х годов, кстати, жителями деревни Старо-Калмашево откуда-то на конный двор, чтобы удобнее было перешагивать через лужу грязи. На эту плиту тогда сразу обратил внимание ветеринарный фельдшер Г. К. Воробьев (1894 года рождения) — страстный любитель древностей. Он наступил было одной ногой на эту плиту, но не перешагнул, а обратил внимание на таинственные знаки, положил плиту себе в телегу и привез домой, где она бережно хранилась до середины 60-х годов. Во всём районе Воробьев получил широкую известность как краевед-любитель, а в его доме, сарае и во дворе хранилось около тысячи археологических, геологических, палеонтологических, исторических находок, собранных со всей территории района. Когда в селе Чекмагушево возник разговор о создании краеведческого музея, инициатор этого полезного начинания — тогдашний первый секретарь райкома КПСС, Герой Советского Союза Сулейманов — обратился с предложением создать краеведческий музей к Г. К. Воробьеву, уже пенсионеру с образованием в три класса дореволюционной гимназии, хотя в селе было много специалистов с высшим образованием. Упомянутая каменная плита с руническими знаками представляла собой уникальную находку, и в 1976 году по нашей просьбе Г. К. Воробьев передал её для постоянного хранения и экспонирования в музей археологии. Она интересна вдвойне: над руническими знаками в XIV веке буквами арабского алфавита выведена надпись «Надмогильный знак Кукляра сына Буги». Следовательно, рунические знаки оказываются древнее последней надписи.

Р. Б. Ахмеров в своей книге дает описание калмашевской плиты, а представленный рисунок помогает читателю составить полное представление о ней. Из него видно, что тамговые знаки располагаются отдельными строками, а это наводит на мысль о том, что они могли образовывать отдельные слова. Специалисты пытались прочесть их, применив метод чтения рунических знаков Сибири и Монголии, однако их старания оказались безрезультатными. Создалось мнение, что на плите нанесены просто тамги. Я думаю все-таки, что пять нижних рядов — это словообразующие знаки, которые могли иметь местные, то есть локальные, отличия, затрудняющие их чтение.

Рауф Бареевич знакомит читателя своей книги с тамгообразующими знаками на скалах по берегам озер Аслыкуль, Кандрыкуль, в местности Тамгаташ в Бирском, Ташлы в Альшеевском районах и в других местах. Из сказанного видно, что территория Башкортостана богата руноподобными знаками, и мне очень хочется верить, что скоро отыщутся специалисты, способные открыть секреты их чтения. Тогда эти знаки заговорят с нами языком наших предков. Кстати, в последние годы на территории Татарстана и Чувашии обнаружены такие знаки и специалисты читают их как буквы рунического алфавита.

Оригинальна по структуре и содержанию нижепубликуемая книга. В ней объемом исследования автор выбрал происхождение некоторых элементов декоративно-прикладного искусства башкирского народа и сделал первые попытки раскрыть смысловое значение некоторых орнаментальных мотивов. В целом это — особая искусствоведческая область познания, где требуется тонкий анализ многокомпонентного источникового материала. В искусствоведении Башкортостана много ярких примеров этому, но данная работа не повторяет ни один из них. Рауф Бареевич и здесь остался хорошим знатоком, тонким аналитиком материала и краеведом в широком смысле слова. Так, например, в украшениях одежды, солярной символике, орнаментике изделий из дерева и других он прослеживает мотивы, которые бесспорно связывают искусство современных башкир с искусством их ближайших предков — башкирских племен VI — X и последующих веков. Как археолог и автор многочисленных книг о древних башкирах, я могу подтвердить: всё то, о чем пишется в книге, соответствует истине, то есть фактическому материалу. Читатель увидит, что до недавнего прошлого (начало XX в.) башкиры, как все другие народы мира, сохранили много пережитков, связанных с доисламскими религиозными верованиями, возникшими ещё в глубокой древности. Автор книги излагает свои наблюдения на ярких примерах, но дело в том, что этих примеров множество, и Рауф Бареевич как исследователь своим настоящим трудом лишний раз напоминает нам, историкам-профессионалам, что башкирское народное декоративно-прикладное искусство для историков до сих пор оставалось нетронутой областью.

Я намеренно не пересказываю содержание разделов. Пусть читатель ознакомится с ними самостоятельно. Мне остается только выразить своё удовлетворение тем, что данная рукопись наконец-то увидела свет. Уверен: мысли, изложенные в книге, получают свое развитие в работах историков нынешних и будущих поколений. Предлагаемая работа послужит прологом для широкого и всестороннего изучения декоративно-прикладного искусства башкирского народа.

*Н. МАЖИТОВ,
академик Академии наук Республики
Башкортостан, профессор.*

ВВЕДЕНИЕ

Народное творчество, в какой бы форме или жанрах ни проявлялось в прошлом, не исчезает бесследно, а традиционно живет в течение веков и передается от поколения к поколению людей.

Здесь уместно вспомнить слова классика французской литературы О. Бальзака о том, что «нет шедевров, погибших в забвении». Таким незабываемым шедевром творчества является искусство башкирского народа во всех его проявлениях и разновидностях.

Настоящую работу мы посвящаем историческим источникам декоративно-прикладного искусства башкир, не претендуя, однако, на полноту раскрытия темы.

Башкирское народное творчество — как прикладное искусство, так и фольклор — в настоящее время изучено хорошо. Оно всесторонне освещено в монографии С. И. Руденко «Башкиры». Плодотворную работу по изучению народного творчества башкир проделали Р. Г. Кузеев, Н. В. Бикбулатов, С. Н. Шитова, С. А. Авижанская и др. Яркая картина народного искусства предстает перед нами при чтении сборников по археологии и этнографии, изданных Башкирским филиалом АН СССР. Коллективная монография «Декоративно-прикладное искусство башкир», прекрасно иллюстрированная и снабженная рисунками и таблицами, охватывает и освещает все основные стороны этого вида творчества.

Собран и широко освещен в литературе богатый и разнообразный башкирский фольклор, в чем особая заслуга известных ученых А. И. Харисова и А. Н. Киреева (Кирэй Мэргэн).

Одновременно широким фронтом ведется изучение археологических памятников Башкирии, позволяющее получить более полное представление об археологических культурах раннего и позднего железного веков. Следует отметить в этом большую заслугу известных археологов Н. А. Мажитова и А. Х. Пшеничнюка.

Достижения башкирской этнографии и археологии дают возможность сопоставить отдельные виды прикладного искусства башкир с аналогичными примерами творчества древних племен края и сделать первые шаги в выяснении генетических связей между ними. В то же время это дает возможность раскрыть семантику сюжетов, изображенных на отдельных предметах башкир и древних племен края.

Мы, современники, восхищаемся и гордимся золотым фондом творчества башкирского народа. Но это гениальное творение народа принадлежит не только нам, но и прошлому поколению, нашим предкам, которые в течение веков творили, создавали эту культуру, а нам выпала миссия оберегать, сохранять и приумножать дело, начатое нашими предками. Это требует от нас изучения не просто истории, но и истоков истории народного творчества, хотя это очень сложное дело.

Надеемся, что наш труд поможет читателям еще лучше и глубже осмыслить глубокие исторические корни прикладного искусства башкирского народа.

Работа состоит из семи разделов, характеризующих отдельные виды и типы ornamentации, используемой в декоративно-прикладном искусстве башкирского народа. Такая композиция книги помогает автору более конкретно изложить сущность предметов темы и облегчает её восприятие читателями.

Первый раздел работы посвящен в основном орнаментальным сюжетам на мужской и женской одежде XIX в. Анализируя и сопоставляя их с орнаментами на древних предметах, нам удалось установить сюжеты коньковидных и шумящих подвесок на этих одеждах — сюжеты, уходящие корнями в глубокую древность.

Второй раздел освещает солярную символику в виде различных кругов, розеток и звезд, встречающихся на предметах обихода, одежде, нарядах и деревянных резных изделиях; образцы последних видов часто можно увидеть на оконных наличниках и воротах в башкирских селах.

Затем идет разбор сложных и интересных орнаментов на хараусах и тастарбашах, т. е. головных повязках башкирских женщин, связанных с сюжетами «древа жизни» и «богини земли». Трактовка орнаментов здесь сильно стилизована и это затрудняет раскрытие их семантики.

Академик Б. А. Рыбаков делит сюжеты таких орнаментов на два варианта. «С глубочайшей древности переплелись, — пишет он, — в сознании земледельцев об-

раз прорастающего в земле зерна с образом женщины, которые символически отражены в сюжетах «древа жизни» и «богини земли».

Первый вариант орнамента такого типа, по его мнению, выражает рождающую жизненную силу невесты, которая изображалась в виде молодого ростка — древа жизни, а птицы по сторонам «древа» олицетворяли брачную пару.

Второй вариант, по его мнению, заключается в том, что в некоторых изображениях «древо жизни» или «богиня земли» охраняются хищными существами, что отражает борьбу двух сил — добра и зла.

Добрая сторона здесь представлена магией плодородия в виде растения-женщины, а для защиты ее от зла использованы благожелательные и обладающие силой хищные существа: грифоны с орлиной головой или псы, барсы и др., расположенные с обеих сторон «богини земли» (СА. 1967. № 2. С. 94).

Здесь необходимо отметить и другую точку зрения о роли зверей и птиц, стоящих по обеим сторонам «древа жизни», — как о почтительном поклонении их ему.

Наглядной иллюстрацией сюжета «древа жизни» или «богини земли» являются идол из Куганакского клада и бляшка из Уфимского могильника (рис. 37, 38).

Следовательно, сюжеты, изображенные на башкирских хараусах, тастарбашах, на ручках кувшинов и на оконных наличниках, связаны с древностями Башкортостана, но они — более древние, генетические корни их восходят, вероятно, к искусству скифо-сарматского мира, получившему впоследствии широкое распространение в искусстве у многих народов.

Что касается зооморфных сюжетов в орнаментации башкир, то необходимо отметить, что башкиры с древнейших времен были ведущими скотоводами и увлеченными, отважными охотниками, что не могло не отразиться в их искусстве. Кроме этого, зооморфные сюжеты башкир в орнаменте, возможно, связаны с древним культом тотемов у родо-племенных групп, т. к. одним из тотемов у них были птицы.

Следующий раздел — об орнаментальных типах в искусстве башкир и древних племен края — представлен в основном геометрическими фигурами в разных вариантах и линейными узорами, которые наглядно иллюстрированы в рисунках и таблицах.

Вопрос о символике коня в народном творчестве башкир, хотя и достаточно широко освещен в трудах, посвященных фольклору, но, по нашему мнению, нуждается в обосновании и пополнении археологическими данными, потому и поставились мы восполнить этот пробел.

В седьмом разделе работы показаны типологические параллели между средствами труда башкир прошлых веков и древних племен края, которые убеждают нас в традиционной преемственности между ними не только в области искусства, но и в области труда, так как труд и искусство неотделимы друг от друга.

В заключительном разделе освещены и некоторые вопросы этногенеза башкир. Пользуясь случаем, я выражаю благодарность академику Академии наук Республики Башкортостан Н. А. Мажитову за ценные советы при создании книги также я благодарен и признателен работникам Национального музея Республики Башкортостан — художнику С. Г. Максютковой и научному сотруднику Е. Г. Шигаевой за помощь при оформлении работы.

1. О ДРЕВНИХ ОРНАМЕНТАЛЬНЫХ МОТИВАХ В ОДЕЖДЕ БАШКИР

«Никакой народ не исчезает бесследно со своего жительствова, но продолжает жить в культурном наследии последующего поколения людей».

Академик Н. С. Державин

Орнаментальные мотивы в народном искусстве появились не случайно, их происхождение восходит к глубокой древности. Они переходят от поколения к поколению, занимая прочное место в культуре того или иного народа.

Отвечая тем исследователям, которые, ссылаясь на большие хронологические дистанции, сомневались в преемственности культуры, А. П. Смирнов писал: «В. А. Городцов установил общность элементов и преемственность между дако-сарматским и русским народным искусством конца XIX в., установлена преемственность между скифским стилем и средневековой манерой изображения зверей, хотя их разделяет полторы тысячи лет» (35). Преемственность культур убедительно доказана также в работах Б. А. Рыбакова по культуре древних славян, С. П. Толстова по Хорезму, А. П. Смирнова по культуре народов Поволжья и Прикамья, В. Н. Чернецова по истории манси и хантов, Е. И. Крупнова по народам Северного Кавказа.

Культура древних башкир в основном сложилась на Южном Урале, что отразилось на обычаях, традициях и прикладном искусстве башкирского народа.

Но для установления преемственности культур необходимо привлечь дополнительный материал и более детально его проанализировать. Поэтому настоящую работу мы посвящаем изучению декоративных элементов одежды в их сравнении с орнаментами на различных предметах, найденных археологами на территории Башкортостана. При этом мы ограничиваемся разбором только тех деталей орнамента, которые, по всей вероятности, генетически связаны с местными археологическими культурами.

Проследить связь декоративных элементов башкирской одежды с орнаментом археологических находок на территории Башкортостана лучше всего на примере мужской и женской одежды, хранящейся в Национальном музее Республики Башкортостан.

Мужской чекмень — *ак сәкмән* (инв. № 4684) из белого шерстяного материала (рис. 1), сотканного на домашнем станке из ниток ручного прядения. По бортам, концам рукавов и по подолу обшит широкими лентами из черной, красной и голубой материи; части воротника и около груди обшиты зеленой (четвертой по счету) полосой. Около пояса сзади имитация «коньковидных» симметричных подвесок, выполненных аппликацией из красного материала. В этногра-

Рис. 1 Башкирский мужской чекмень (сәкмән), передняя сторона

Рис. 2 Мужской чекмень, задняя сторона

Рис. 3 Коньковидное украшение башкирского чекменя

фической литературе такие украшения получили название «ложные карманы».

По краям и в центре аппликации схематично изображены конские головки, обращенные в противоположные стороны. Так называемые утиные лапки, подвешенные на конскую фигуру снизу, исполнены вышивкой из разноцветных ниток. Вышитые крестом полосы в середине и по нижнему краю изображения, а также на концах «утиных лапок», передают ажурность древних металлических подвесок (рис. 3).

Сэкмэн, про всей вероятности, относится ко второй половине или к концу XIX в. Подобные халаты у башкир до нашего времени не сохранились. В фондах музея сэкмэн — в единственном экземпляре.

Женский халат — *елэн* (инв. № 3396), близок к сэкмэну, сшит из черного фабричного материала, так называемой черной китайки (рис. 4). Эта одежда сплошь разукрашена декоративными элементами: красные, черные и белые полосы окаймляют края бортов, подола и концов рукавов. Вокруг шеи и груди обшиты несколькими рядами мишуры. Металлические бляшки, пришитые вдоль одежды, чередуются с вышивкой — кружочками из разноцветных ниток. Сзади, на спине, вышит растительный узор.

На халате схематично и вычурно выполнена «коньковидная подвеска» из красного, зеленого материала и мишуры (рис. 5). «Конские головки» представлены здесь ломаными черточками по верхним углам фигуры. Снизу пришиты металлические бляшки, чередующиеся с бахромой. Небольшие пуговицы, идущие по верхнему краю, передают ажурность предмета.

Такая одежда бытовала еще в начале XX века.

На первый взгляд мало общего между описанными изображениями на башкирской одежде и древними коньковидными подвесками. Следует, однако, учесть, что коньковидная подвеска Бахмутинского могильника (рис. 6) относится к VII в. н. э., коньковидные подвески Стерлитамакского могильника (рис. 7) датируются VIII — IX в. н. э., а башкирская одежда — кон-

Рис. 4 Башкирский женский халат (елән), передняя сторона

Рис. 5 Женский халат, задняя сторона

Рис. 6 Коньковидная подвеска из Бахмутинского могильника (бронза)

Рис. 7 Коньковидная подвеска из Стерлитамакского могильника (бронза)

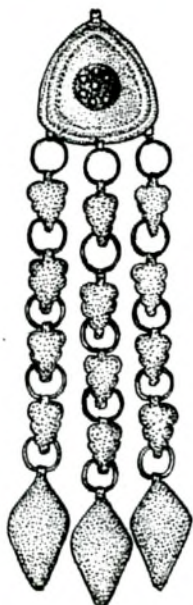
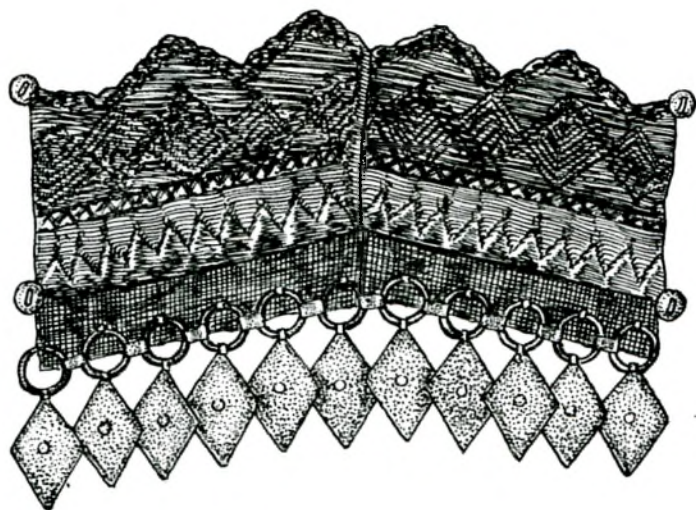

Рис. 8 «Шумящие» украшения на одеждах башкирок: позумент и металлические подвески

Рис. 9 Позумент, монеты-подвески

Рис. 10 Металлическая подвеска

Рис. 11 Металлическая позолоченная подвеска со сложным орнаментом

цом XIX в. Поэтому между ними, естественно, имеется разница. Но удивительно то, что спустя тысячелетие сюжеты древности сохранились в народном творчестве. Разумеется, не во всех случаях одежда башкир сохранила изображения коньков-подвесок, но ведь и не во всех случаях они встречаются и в археологических комплексах. Несомненным остается тот факт, что основным районом их распространения является территория Волго-Камского бассейна, в том числе долины р. Агидели в Башкортостане.

Второй интересный декоративный элемент на одеждах башкирских женщин — условные изображения так называемых шумящих подвесок (рис. 8, 9). Эти подвески выполнены из серебристо-узорчатого позумента и трактовка их орнамента как бы напоминает металлическую фактуру древних оригиналов. Особенно характерно первое изображение (рис. 8) со всеми присущими шумящим подвескам атрибутами. Верхний край его зигзагообразно профилирован, по четырем углам пришиты пуговицы, по изогнутому нижнему краю прикреплены на колечках ромбовидные бляшки из светлого металла, поверхность позумента орнаментирована узорами в виде зерни, скани и филигрании. Форма и трактовка изображения не оставляют сомнения в том, что в данном случае мы имеем дело с условным подражанием древним подвескам.

В некоторых случаях к основе шумящих украшений сверху и снизу пришиты два ряда монет или металлических бляшек (рис. 9), что также является своеобразной трактовкой старинных подвесок. Изредка

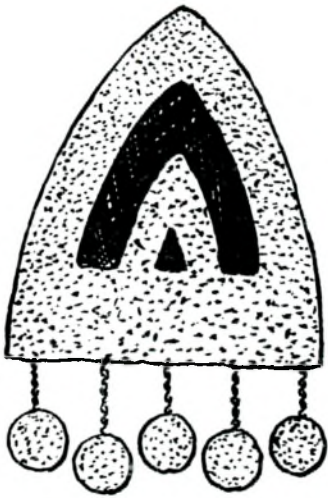

Рис. 12 Украшение женского халата с бусами

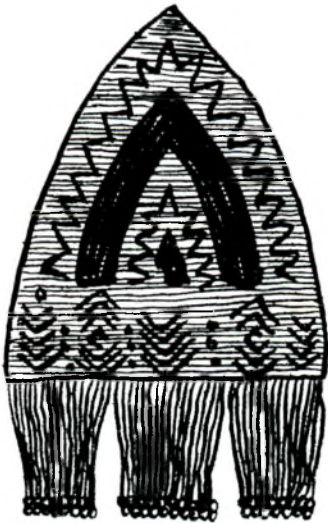

Рис. 13 Украшение женского халата с металлическими привесками («эполеты») по типу древних подвесок

встречаются шумящие подвески весьма сложной и оригинальной формы. Так, например, можно отметить застежку в виде полуовала с листовидными и ромбовидными бляшками на колечках (рис. 10). Такие застежки по форме напоминают прикамские предметы того же назначения, с длинными цепочками и колокольчиками или утиными лапками на концах. Отметим также башкирскую подвеску в форме яблока с грибовидным навершием и тремя монетами на колечках (рис. 11). Позолоченная поверхность подвески орнаментирована стеклянными вставками в гнездах, а по краям обрамлена «веревочной» полосой и зернью. По технике и форме орнамента эта подвеска аналогична золотым предметам, найденным в уфимских погребениях VII — VIII вв. н. э.

Если имитация коньковидных подвесок встречается и на мужских, и на женских одеждах башкир, то шумящие подвески характерны только для женской одежды.

Шумящие украшения, как и коньковидные, получили наиболее широкое распространение у древних Прикамских племен. Появление шумящих украшений в Прикамье А. П. Смирнов относит к IV — V вв. н. э. Они, в различных размерах и формах, часто встречаются в среднекамских могильниках, датированных IX — XI вв. По мнению А. П. Смирнова, шумящие подвески прикамских древностей близки к искусству народов угро-финского происхождения: удмуртов, мари, коми-пермяков и мордвы.

Сходство орнаментальных мотивов угро-финских народов Прикамья и Приуралья с орнаментальными мотивами башкир объясняется сходством археологических культур в районах Прикамья, рек Агидели, Уфы и многовековыми контактами между народами этого региона.

Шумящие подвески прикамского типа обнаружены в курганах IX — X вв. вблизи деревень Хусаиново и Бекешево в Башкирском Зауралье, а более ранние типы шумящих височных подвесок — в сарматских курганах Кармаскалинского района и в Биктимировском могильнике Бирского района Башкортостана. Элементы шумящих подвесок встречаются и в шейном украшении женщины, обнаруженном в курганном могильнике близ деревни Халилово Дуванского района.

Рассмотрим еще один декоративный элемент женского халата башкир, фигурирующий в литературе под названием «эполеты» (рис. 12). Эти украшения выполнены из серебристого позумента в виде полуовала с висющими на ниточках бусами или с металлическими бляшками-привесками (рис. 13). Они находят себе аналогию в металлических подвесках и бляшках, которые в древности украшали женскую одежду. Прототипом таких украшений одежды башкирок, вероятно, были полуовальные и ажурные бронзовые подвески, найденные в Уфимском могильнике пьяноборского времени и Бахмутинском могильнике VII вв. н. э. (рис. 14, 15). Такие же подвески обнаружены в вышеупомянутом кургане около деревни Хусаиново Баймакского района (рис. 16). Аналогичные подвески в полуовальном очертании часто встречаются в археологических комплексах Прикамья, Приуралья и За-

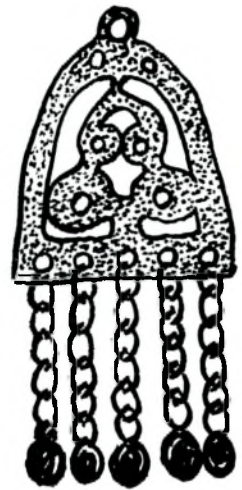
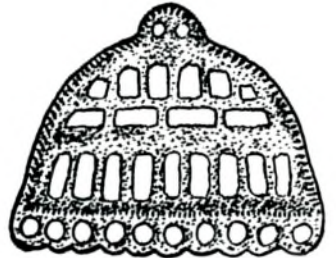

Рис. 14, 15, 16 Бронзовые подвески из Уфимского, Бахмутинского могильников и Хусаиновского кургана

Рис. 17 Селтэр — нагрудное украшение башкирской женщины

Часть золотых предметов, найденных в женском погребении в г. Уфе, VII — VIII вв. н. э.

уралья (в частности, в могильниках Ленк-понк и Кинтусовском), в районах Нижнего Приобья. По В. Н. Чернецову, «... сходство между культурами Приобья и Прикамья, наблюдаемое в формах предметов материальной культуры, в последовательности развития керамики и изобразительного искусства, позволяет говорить о родстве племен, населявших Обь-Иртышье, Урал и Прикамье» (40).

В орнаментальной композиции башкирской одежды часто встречаются также аппликативные или вышитые ярко-красными и оранжевыми нитками кружочки с расходящимися лучами или лепестками розетки (рис. 1, 4), напоминающие изображения звезд. Все такие украшения связаны с пережитком культа небесных светил, который был широко распространен среди древнего населения Приуралья. О таком культе свидетельствуют многочисленные и разнообразные дисковидные бляхи, пряжки и подвески с лучистым орнаментом, встречающиеся среди археологических находок Прикамья и Башкортостана.

Хотя по имеющимся археологическим данным пока трудно судить о формах старинных костюмов и мы не в состоянии с достоверностью сопоставить их с одеждой башкир, однако реконструкция А. Х. Пшеничнюком одежды из Биктимировского могильника (погр. 46) дает нам некоторое представление о женских халатах III — II вв. до н. э. Этот женский халат, сшитый из холста (?), по некоторым признакам похож на упомянутый выше костюм башкирских женщин — елэн. По мнению автора реконструкции, края халатов из этого могильника имели круговую обшивку из металлических бляшек, плечи украшались различными обоймочками или подвесками, от плеч к поясу спускались в виде портупей широкие кожаные ремни с гофрированными накладками и круглыми бляшками. Произвести абсолютно точную реконструкцию костюма из могильника — нелегкая задача, но можно считать, что основные элементы его украшения близки к украшениям женской одежды башкир.

Не останавливаясь на истории головных уборов башкир, отметим лишь, что остроконечные шапки, вероятно, являлись наиболее древней их формой. В связи с этим заметим, что остроконечные головные уборы были характерны для древнего населения Прикамья еще в ананьинскую эпоху и для сармато-аланов Южного Приуралья.

Значительный интерес представляет башкирское нагрудное украшение — *селтэр*, одна из древнейших форм женского наряда. Оно сплетено из ниток, на которых нанизаны небольшие красные бусины — бисер и кораллы (рис. 17). Кроме больших блях и бляшек, пришитых в его верхней части, с середины селтэра спущены овальные и круглые медальоны со вставными камнями, обрамленные зернью и жгутом. Аналогичные медальоны встречаются и на других нарядах башкирских женщин. Наиболее близкой аналогией подобных украшений башкирского селтэра могут служить золотые медальоны Уфимского могильника VII — VIII вв. н. э., имеющие вставки из камня и орнамент из зерни и витых проволонок. Техника зерни и вставки драгоценных камней характерна не только

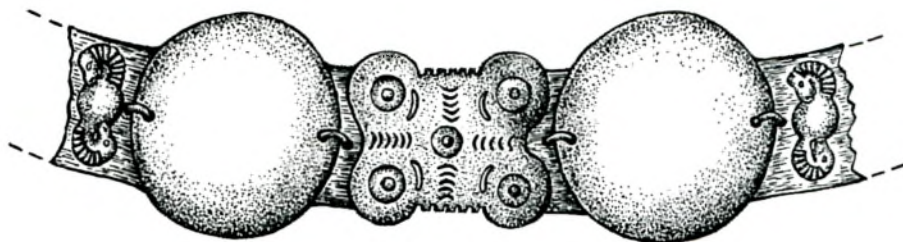

Рис. 18, 19 Пояс и бляшка из Биктимировского могильника, III — IV вв. до н. э.

Рис. 20, 21 Кэмэр (ремень) башкирский, XIX в.

для медальонов, но и для других атрибутов женской нарядной одежды. Так, например, головной убор башкирских женщин — *кашмау* — сплошь покрыт красными бусинками и узорами, напоминающими стиль зерни. На женском бешмете (елэн), поступившем в музей в 1970 г. из Кугарчинского района, наряду с другими украшениями, имеются звездочки и треугольники из светло-коричневых бус, что также является подражанием технике зерни. Женский нагрудник — *хакал* (*накал*), поступивший в фонд музея также в 1970 г., окаймлен по краям небольшими бубенчиками и колокольчиками, похожими на бубенчики из Стерлитамакского и колокольчики из Уфимского могильников.

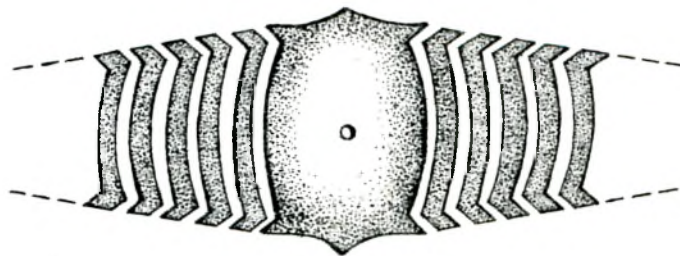

Рис. 22 Серебряные обкладки ремня из Стерлитамакского могильника, VIII в. н. э.

Остановимся еще на одном предмете убранства башкир. Это — *кэмэр*, что в переводе с персидского и арабского языков означает «луна». Оригинальные башкирские пояса — *кэмэр*, когда-то имевшие широкое распространение, в настоящее время являются музейной редкостью. Пояса были мужскими и женскими. Они богато украшались бляхами с полудрагоценными камнями — агатом, сердоликом и бирюзой, состояли из сплошного ряда серебряных пластинок, покрытых чеканным узором, со вставками агатов и бирюзы.

Учитывая тонкость и сложность технических приемов изготовления, а также ковровый материал этих поясов, С. И. Руденко полагал, что они не башкирского происхождения, а привезены откуда-то из-за пределов Башкирии или выполнены казанскими татарами. Такого же мнения придерживается С. А. Авижанская, полагая, что эти пояса относятся к числу покупок украшений, а не местного изготовления.

В то же время Н. И. Воробьев, большой знаток татарской этнографии, отмечал, что подобные пояса являются наносными предметами в татарском быту и в силу этих причин не могли быть изготовлены для башкир татарскими умельцами, как полагал С. И. Руденко. Между тем археологические находки подтверж-

дают, что и эти уникальные пояса изготовлены народными мастерами в самом Башкортостане. Особенно наглядно это бросается в глаза при сопоставлении одного из видов *кэмэра* с древним поясом из Биктимировского могильника в Башкортостане (рис. 18—22). У них прежде всего одинаковая ширина, хотя биктимировский пояс изготовлен из кожи, а башкирский — из тонкой ковровой ткани коричневого цвета. Самым поразительным является сходство бляшки в виде лошадиных голов первого пояса и утиных — второго. Как мы полагаем, между этими поясами существует преемственность и в орнаментах, и в форме пряжек. Простые орнаментальные круги и резные штрихи биктимировской пряжки в результате многовековой эволюции превратились в башкирских ремнях в сложные орнаментальные формы в виде розеток и медальонов со вставными камнями.

Разновидность башкирского пояса (*кэмэр*) найдена и в Стерлитамакском могильнике (61. С. 34. Рис. 1).

Прикладное искусство башкир в течение веков впитывало в себя традиции творчества соседних народов, в том числе угро-финских, тюркских и русского, не теряя в то же время своей самобытности и оригинальности.

II. Солярная символика в искусстве башкир

Солярный культ имел широкое распространение среди многих народов древности. Но символику неба — солнца — огня и света древние племена и народности той или иной области представляли по-разному.

По сообщению Ибн-Фадлана (922 г.) нам известно, что у башкирских племен было много культов: зима, лета, дождя, ветра, деревьев, людей, лошадей, воды, ночи, дня, смерти и земли. Самым могущественным «господом» из них был господь «небо». Кроме того, некоторые башкирские племена почитали культ фаллоса, змеи, рыбы и журавля.

Эта интересная историко-этнографическая «таблица» Ибн-Фадлана о религиозных воззрениях башкир начала X в. полностью подтверждается археологическими находками и позднейшими историко-этнографическими источниками.

Свидетельства Георгия о языческих обрядах башкир во второй половине XVIII в. как бы являются подтверждением свидетельства древнего путешественника. Георгий писал, что когда башкиры «...во время какого ни есть праздника убьют животное, то ставят на приборе (каштак) уваренное мясо против солнца, творя при том много поклонений и прочее во всем подобно шаманским язычникам» (18).

Здесь необходимо еще отметить случай, связанный с затмением солнца в 1922 г. Это был летний день, ясный, солнечный. Затмение началось почти незаметно и медленно, но потом произошло полное укрытие небесного светила, и день превратился в ночь. Такое полное затмение солнца я видел лишь один раз в жизни.

Это неожиданное и странное явление вызвало тревогу и растерянность у наших сельчан, как перед грозящей опасностью.

Незадолго до этого на улице собрались старики и все взрослые мужчины. О чем-то говорили, шумели... Наш отец, исполнявший обязанности деревенского муллы, предложил собравшимся совершить молитву — «*экбәр*» — небесам.

Молитву выполняли на ходу, в один голос хором, произнося одни и те же слова: «...*алла — һәкбәр, алла — һәкбәр, ләйлаһы — иллаллаһ...*», что означало — «Всевышний, Всемогущий аллах, спаси нас от несчастий!»

Пока толпа прошла с одного конца большой улицы на другой, солнце постепенно раскрывалось от мрака и примерно через час оно снова начало светить с прежней красотой и блеском. А люди были бесконечно рады, что Бог услышал и принял их молитву, спас их от беды.

Таких примеров, связанных с молитвой небесам, было немало у сельчан.

О пережитках космогонического представления среди башкир свидетельствуют памятники народного эпоса. Солнце, например, по материалам башкирской мифологии, представлялось людям в образе женщины,

луна — в образе мужчины. Так, в мифе о небесных светилах солнце выступает в виде красной водяной деви, выходящей из моря, с длинными белыми волосами; руками она достает звезды и украшает ими свои волосы. Луна рисуется в виде джигита-красавца, весело или грустно смотрящего с неба на людей. По одному из преданий, однажды молодая башкирка, шедшая за водой, залюбовалась улыбающимся месяцем. Вглядываясь в месяц, она произнесла: «Если бы у меня был такой красивый муж, я непременно бы ему родила большого богатыря». И месяц взял девушку в жены, и она с тех пор стоит там с коромыслом и ведрами.

Если обратиться к археологическим материалам Башкортостана, то нетрудно убедиться в том, что позднейшие космогонические представления башкир имели глубокие корни, связанные с мировоззрением древнейших племен Южного Урала.

Наиболее характерным памятником, свидетельствующим о религиозных представлениях населения V—IV вв. до н. э., является Куганакский клад — предметы культового предназначения. Здесь в комплексе предметов найдены: фигура в виде круга с птичьей головкой и рельефным изображением стилизованного существа — то ли пресмыкающегося со множеством ног, то ли птицы с растопыренными перьями крыльев, и предметы восточного происхождения — бронзовая фиала с орнаментом многолепестковой розетки и зеркало-календарь с рельефными сюжетами, очевидно, также связанные с солярным культом (рис. 23).

У зеркала-календаря найдено чуть больше половины круга. Оно отлито из металла графитового оттенка, быть может, с примесью бронзы и серебра. Одна сторона с гладкой полировкой, а с другой стороны в середине шишковидное ушко с отверстием и рельефные фигуры по кругу. Фигурные изображения, размещенные в два пояса, расположены по часовой стрелке и в движении слева направо. Фигуры внутреннего пояса выполнены более плоско, с блестящей полировкой и отделены от фигур наружного пояса ромбовидными выступами, соединенными заостренными концами. Во внутреннем круге, возможно, было 6 рельефных изображений, из которых на фрагменте сохранились 4 изображения.

Первая фигура внутреннего пояса, вероятно, представляет собой всадника на рогатом козле с каким-то неопределенным предметом в руке; вторая фигура, несущая змею, тоже оседлала небольшое животное, быть может, овцу; третья фигура представлена в виде кентавра, стреляющего из лука, а четвертая фигура изображает всадника на каком-то звере — собаке или волке.

Фигуры наружного пояса, размещенные в рамках из овальных кругов, выступают более рельефно. Вероятно, их было 12, из которых сохранилось 7 фигур.

Первая фигурка изображает морского краба, схватившего клешнями человеческую маску; вторая фигурка представляет загадочную картину в виде человеческого тела с симметрично поджатыми ногами и расставленными руками; наверху две головы геральдической позы неясного существа; третья фигурка —

Рис. 23 Фрагмент зеркала-календаря

всадник с копьем в руке; четвертая фигурка — тоже всадник с неопределенным предметом в руке; пятая по счету фигурка мчится на дельфине (?); шестая фигурка изображает пешехода, несущего в руках виноградную кисть; к седьмому всаднику, сидящему на каком-то звере, сзади и сбоку подсади две обезьяны.

Трудно определить все детали стилизованных и расплывчатых фигур. Но нам ясно, что зеркало-календарь является предметом восточного происхождения, быть может, индийского, и связано с комплексом предметов культового назначения.

Ценность этого интересного археологического предмета заключается в том, что он в какой-то мере соотносится с устным башкирским летоисчислением прошлых веков.

По представлению башкир, у каждого года были свои «хозяева» — животные. Хозяином одного года являлась лошадь, другого — змея или рыба. Полагали, что существуют годы лошади, змеи, мыши, рыбы, тигра, зайца, медведя, курицы, льва, коровы, овцы и обезьяны. Надо отметить, что имена животных менялись в зависимости от племенного тотема. Успех года всецело зависел от положительного и доброжелательного отношения тотема к людям, к племени.

Писатель С. П. Злобин в 1928 г. записал интересное (один из вариантов) предание башкир с летоисчислением. Предание гласит, что собрались звери и поспорили, чей будет первый год. Самым хитрым из всех животных оказалась мышь (*сыскан*). Пока все звери ждали год, она забралась в ухо верблюда и увидела солнце раньше всех. Ей и отдали первый год, а остальные пошли в таком порядке: *һыйыр* (корова), *барс* (тигр), *куян* (заяц), *лу* (водяной паук), *һылкы* (лошадь), *һылан* (змея), *куй* (овца), *бесэй* (кошка), *тауык* (курица), *эт* (собака), *сүска* (свинья).

Когда двенадцать лет пройдет, снова начинается первый год — год мыши.

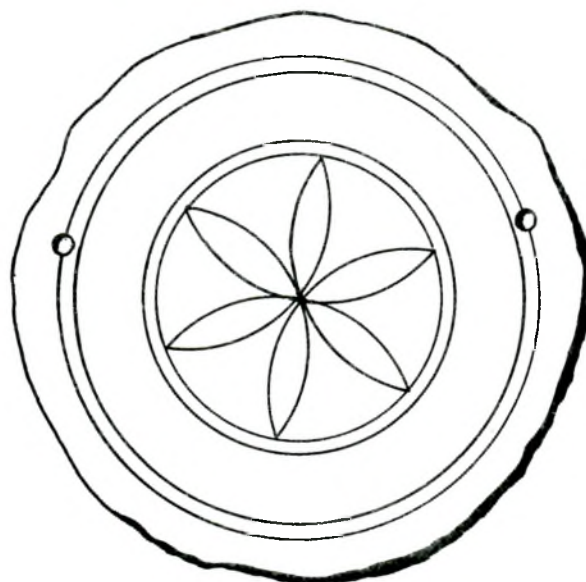
Год мыши — год посредственный, коровы — год тяжелый, барса — год хороший, урожай будет, кто в этом году родился — воевать будет, большой батыр

Рис. 24 Блюдо из Прохоровского кургана

Рис. 25 Зеркало из Чекмагушевского района

Рис. 26 Бляха из Ново-Уфимского могильника

будет; зайца — плохой год (голодный), лу — средний, лошади — разный бывает, какая лошадь в этот год солнышко увидит: гнедая — хороший, сивая — буран и холод; змеи — всегда холодный год, овцы — урожайный, кошки — тоже, курицы — такой же плохой, как год зайца. Последние два года — собаки и свиньи — тоже нелегкие годы.

Таким образом, сюжеты древнего зеркала-календаря, а также башкирского летосчета по циклам из 12 животных связаны с космогоническим мировоззрением и магией земледельцев, скотоводов и охотников. В этом и другом случае мы имеем дело с желанием людей объяснить явления природы хотя бы в примитивной форме и подчинить их своим потребностям.

Такое миропонимание имело широкое распространение среди многих народов древности. Как доказывал академик Б. А. Рыбаков, у трипольских племен существовала целая система орнаментации на глиняных сосудах, связанная с космогонией и мифологией земледельцев энеолита. Он же определил интересное содержание календаря полян, связанного также с аграрной магией.

12 башкирских «господ» (богов), перечисленных Ибн-Фадланом, тоже связаны с кругооборотом природы и космогоническим представлением в полном смысле этого слова. Характерно, что все 12 «господ» объединены самым высшим господом — «небом», живут в согласии между собой и «каждый из них одобряет то, что делает его сотоварищ». В данном случае имеет место явная попытка объяснить закономерности природы: зимы, лета, дождя, ветра и др., которые происходят помимо воли людей.

Вернемся к археологическим материалам Башкортостана.

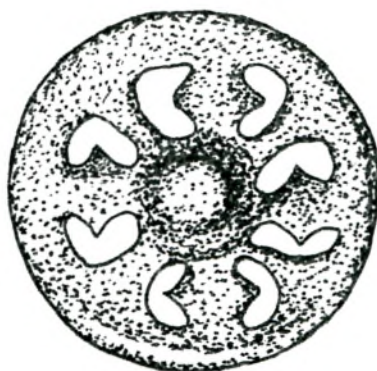
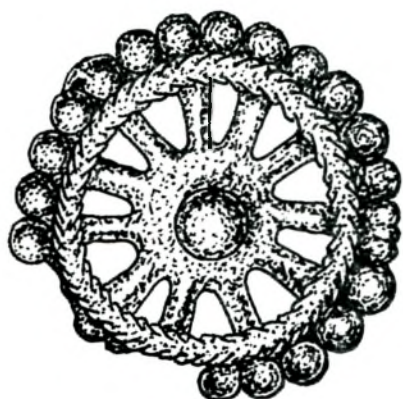
О широком распространении культа небесных светил среди древнего населения Приуралья говорят многочисленные дисковидные бляхи, бляшки, пряжки и подвески, встречающиеся среди археологических предметов. Такое же назначение, вероятно, имели серебряные блюда Прохоровского кургана сарматовского времени; чеканный орнамент на них представляет собой многолепестковую розетку, как бы расходящиеся лучи от солнечного диска (рис. 24).

Любопытен культовый предмет, найденный в кургане в Чекмагушевском районе. С одной стороны он зеркально гладкий, с другой стороны выступают рельефные изображения ящеров (?), идущих навстречу друг другу по кругу (рис. 25). Такие дисковидные предметы с изображением различных животных А. В. Збруева связывала с соллярным культом прикамских племен.

Об одной башкирской космогонической легенде М. В. Лоссиевский писал, что на луне, по мнению башкир, существуют два хищника, которые все время гонятся друг за другом, но гонщик не может догнать переднего зверя, так как у того восемь ног, причем четыре ноги у него на спине, которыми он пользуется, когда устанут первые четыре (52).

Таким наивным образом башкиры пытались объяснить бесконечное движение луны, и это наглядно показано на культовом предмете из Чекмагушевского района.

В Уфимском могильнике, у разъезда Правая Белая, была найдена круглая бляха со штампованными точечками по краям. Она лежала на черепе покойни-

ка и, надо полагать, была пришита к головному убору. Более крупные дисковидные бляхи встречались в Ново-Уфимском могильнике с орнаментом из концентрических кругов и розеток в центре (рис. 26). Точно такие же бляхи с орнаментом, служившие украшением женских костюмов, находились в погребениях Биктимировского могильника, они пришивались на грудную часть одежды или на поясные ремни. Интересны и красивы колесовидные ажурные подвески Ново-Уфимского могильника (рис. 27, 28, 29). На одной из них орнамент из концентрических кругов, заполненных белой массой и рамкой из ложной зерни. Другая бляха выполнена в виде колесика со спицами, с орнаментом под крупную зернь и филигранной имитацией. Что особенно примечательно, на могильнике была найдена фигурная пряжка с птичьими крыльями по бокам круга. Подвески, однотипные с уфимскими, найдены в погребениях Бирского и Бахмутинского могильников, но они более упрощенные и схематичные по сравнению с первыми (рис. 30).

Более ярким примером для представления идеологии древних племен Башкортостана могут служить восточное блюдо и чаша, найденные в г. Уфе в 1941 г. Как отмечает А. И. Воцинина, внутренняя сторона чаши, покрытая мелкими круглыми шишечками, могла представлять небесный свод, усеянный звездами, а внешняя — выпуклая, позолоченная и блестящая, с изображением орла, являлась, очевидно, символом

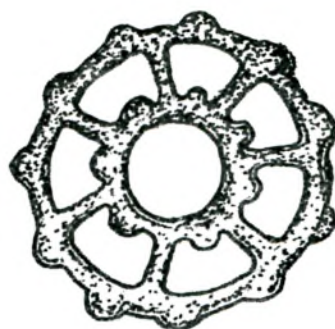

Рис. 27, 28, 29 Бляхи из Ново-Уфимского могильника

Рис. 30 Подвеска из Бахмутинского могильника

солнца. Если учесть, что находки аналогичных предметов на территории Башкортостана не единичны, то можно с уверенностью сказать, что они связаны с религиозными обрядами древних племен.

Таковы некоторые предметы, найденные при археологических раскопках в Башкортостане и связанные с традициями соляного культа.

Для сопоставления с ними снова вернемся к одежде башкир, в орнаментальной композиции которой, кроме изображения «коньковидных» подвесок и шумя-

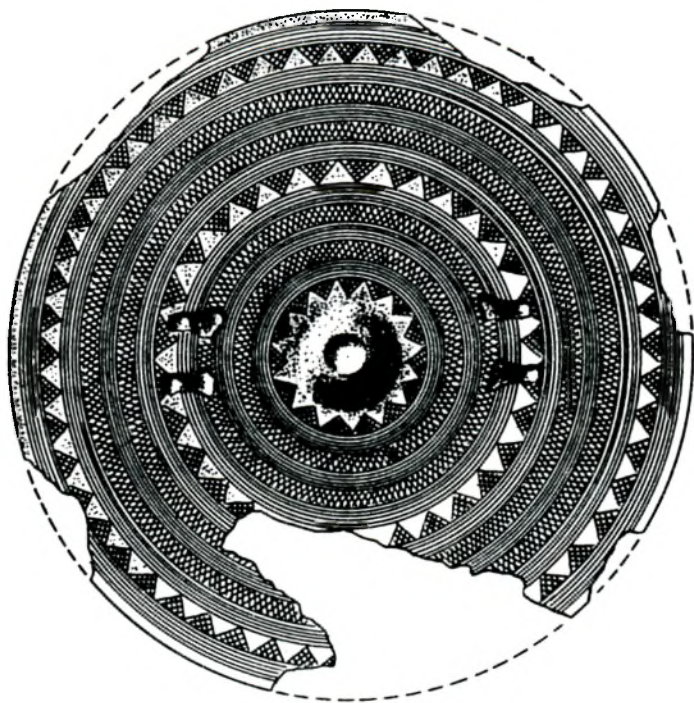
Рис. 31 Аппликация на мужском чекмене

Рис. 32 Аппликация на женском халате

Башкирский танец «Семь девушек» в исполнении артистов художественной самодеятельности Давлекановского района

Рис. 33 Кожаный щит башкир с тисненым орнаментом

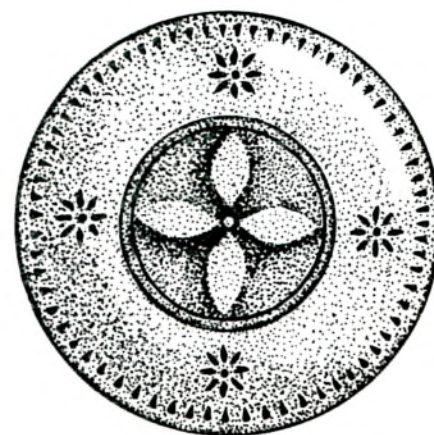
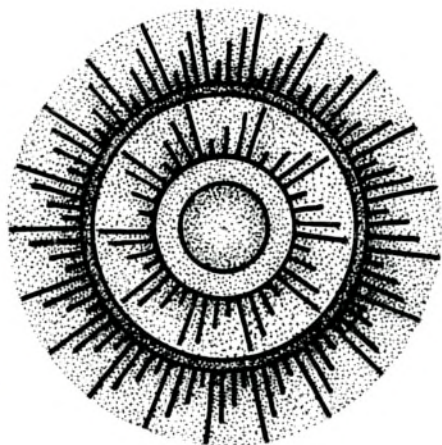

щих привесок, много аппликативных или вышитых кружочков с расходящимися лучами или лепестками розетки (рис. 31, 32). Они вышиты ярко-красными и оранжевыми нитками-мулине и создают впечатление небесных светил.

Традиция орнаментации костюмов со звездами и розетками прочно укоренилась среди башкирских женщин; и даже в настоящее время их можно увидеть на костюмах артистов художественной самодеятельности, надеваемых, правда, исключительно для театральных или танцевальных представлений.

Лучшим примером для иллюстрации традиций соллярного культа может служить уникальный башкирский щит, выполненный из кожи, хранящийся в фондах Государственного музея Республики Татарстан в г. Казани (инв. № 6411/4885). Поверхность щитка сплошь покрыта тисненым орнаментом из кругов, чередующихся с сетчатыми узорами и треугольниками (рис. 33). Н. А. Мажитов орнаментацию щитка не без основания сравнивает с орнаментом глиняного сосуда, найденного в Турбаслинском кургане. Сосуды с орнаментом, сходным с орнаментом кожаного щитка, найдены в Уфимских и Кушнарниковских погребениях.

Солнечные круги с лучами встречаются на многих этнографических предметах башкир. Они вырезаны на оконных наличниках, на воротах, на многих предметах домашнего обихода. Даже такие, казалось бы,

маловажные предметы, как кухонные полочки для ложек, состоят из комбинации различных кругов и розеток.

Вырезанные узоры на крышках кадок для кумыса (*тэнгэн*) напоминают солнце в окружении других небесных светил (рис. 36).

Солярные знаки в разных видах и вариантах встречаются в изделиях народного ткачества. Поля башкирских занавесок, скатертей, полотенец, покрывал, ковров и паласов заполнены геометрическим орнаментом из ромбов, квадратов, восьмиконечных звезд и др. Ромбы и квадраты как символы солнца характерны для многих народов, хотя они с незапамятных времен утратили свое первоначальное значение, превратившись в чисто декоративные элементы народного творчества. В. Н. Чернецов, наблюдавший искусство манси по выдавливанию художественных узоров зубами на бересте, отмечает, что ромбы и квадраты, полученные подобным способом, в лексиконе манси называются хэтал (солнце). Следовательно, из уст умельцев манси мы получаем убедительное подтверждение о семантике ромбов и квадратов (23).

Теперь остановимся на пережитках культа огня среди башкир, так как поклонение солнцу тесно связано с культом огня.

Андалузский, ссылаясь на арабских писателей Абуғали-Доса и Абу-Хамида, писал, что башкиры в древности поклонялись огню. По сообщению Ибн-Даста нам известно, что обычай поклонения огню был у древних мадьяр. Последний факт нам важен, так как в этногенезе башкир участвовали и угорские племена.

До недавнего времени среди некоторой части башкирского населения существовала вера в мифическое существо — убыр, которое представляли в виде шарообразного огня. Считалось, что «убыр» обычно ютился в таких домах деревни, где жили «волшебники» и «волшебницы», и мог причинять людям большое зло.

Мне помнится 1921 голодный год, когда в некоторых районах Башкирии свирепствовала холера. Чтобы спасти людей от этой страшной болезни, на улицах башкирских деревень каждый день под вечер зажигались большие костры в надежде на очистительную си-

Рис. 34 Вышивка на женском халате

Рис. 35 Ременная бляха башкир

Рис. 36 Крышка деревянной кадушки с резным орнаментом

ду огня от злых духов и болезней. Башкиры придавали огню большое значение. Огнем встречали весну в горах, огнем провожали ледоход, с большими кострами устраивали трапезу во время народных праздников. Об одном народном гулянии с огнем В. И. Даль писал: «Шумная и многотысячная толпа пиновала и ликовала... земля стонала от топота конского и людского; солнце устало светить пирующим и ликующим гулякам. Настала ночь, и огромные костры запылали, и солнце взошло снова, и костры еще дымились, кумыс играл в огромных чашах, в сабах и турсуках, чибызга напевала веселье» (25).

По народным представлениям огонь является источником двух начал — злого в виде убывающего — как сила очищения от злых духов и как источник тепла.

В башкирской сказке «Из головы медведя» старуха Угей повествует о приключениях четырех спутников, бежавших от греха и злых духов. Обессиленные и отчаявшиеся путники спаслись, поднявшись на высокую гору Кара и там, обернувшись, увидели, что с неба спустился огонь и пожрал всех злобных.

Культовый священный огонь имел широкое распространение среди сармато-аланских и других племен Южного Урала. Неслучайно еще в погребениях савромато-сарматских времен встречаются каменные блюда — это переносные алтари древности. Очевидно, с культом огня связана встречающаяся в погребениях зола, угли и сажа.

Некоторые захоронения сопровождалось погребальным костром. Среди уфимских погребений V—VII вв. в двух случаях выявлены захоронения с трупосожжением. Следовательно, имеется сходство солярной символики и огня у башкир и древних племен края.

III. «Древо жизни» и «богиня земли» в прикладном искусстве башкир

В комплексе предметов Куганакского клада* имеется идол-дерево с человеческой маской (рис. 37). Дерево защищают какие-то звери, стоящие на верхних ветвях друг против друга и, что особенно интересно, какие-то ползущие существа, очевидно, змеи. Это, пожалуй, самый ранний археологический памятник, найденный на территории Башкортостана, который связан с культом «древа жизни». Любопытно, что все здесь представлено попарно: два ствола с изображением двух человеческих масок, звери и змеи тоже переданы парами. Быть может, они символизируют чету, без чего не может развиваться и сама жизнь.

С другой стороны, сущность древнего идола можно еще представить как неотделимость и неразделимость человеческого рода от растительного и животного мира на земле.

Об этом идоле А. В. Збруева писала: «Изображение антропоморфных божеств в виде человеческих лиц, вырезанных на деревьях, по которым взбираются животные, указывает на тесную связь этих божеств в представлении ананьинцев с растениями и животными» (3).

У древних башкир, как сообщает Ибн-Фадлан, существовал культ дерева. Эта древняя традиция пережиточно сохранилась вплоть до последних веков. Еще в недалеком прошлом жители башкирских деревень связывали старые дубы или березы, росшие около сел, с культом предков или верили, что эти растения имеют волшебного хозяина. С одухотворением дерева связан, вероятно, и тот факт, что башкиры и татары полагали, что с помощью можжевельника можно изгнать из домов нечистый дух.

Известно также, что у каждой родо-племенной группы башкир, наряду с другими атрибутами, было свое дерево. Например, у усерген — рябина, у минцев — береза, у табынцев — лиственница и др.

Пережитки культа дерева были характерны не только для башкир, сохранились они также у угрофинских народов Приуралья и Прикамья.

Следует отметить, что старые, казалось бы, давно ушедшие, традиции среди части башкирского населения сохранились до настоящего времени, хотя и утратили былое, первоначальное значение. По словам нашего информатора из Абзелиловского района Башкортостана, вокруг большого дерева на горе, расположенной на территории совхоза «Урал», раскопан ров; на стволе дерева вырезаны изображения рыси и медведя. На земле около дерева лежали куски хлеба, гри-

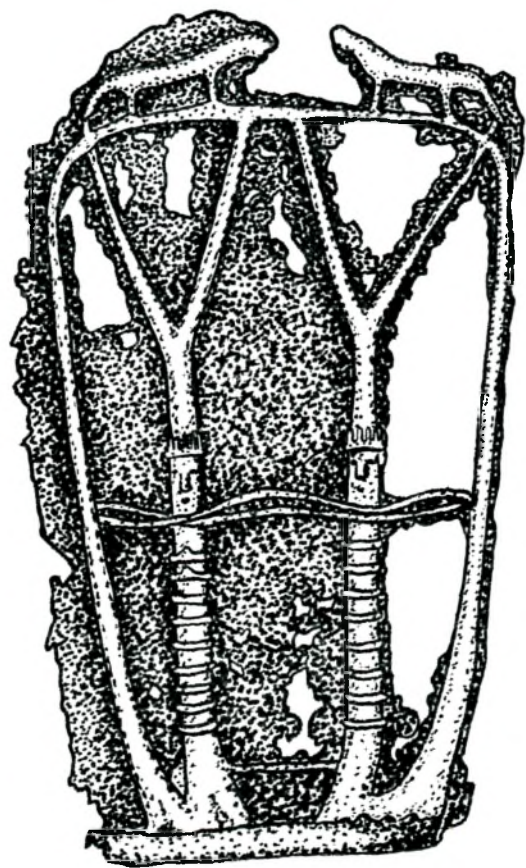

Рис. 37 Идол из Куганакского клада

Рис. 38 Бляшка из могильника у Лысой горы близ г. Уфы

* Клад найден в 1869 г. близ с. Покровского на р. Куганак Стерлитамакского района БАССР (Н. И. Булычев. Древности из Восточной России. Ч. II. М., 1904). Клад содержит предметы V—IV вв. до н. э., но А. Х. Халиков относит его к более позднему времени. На разнообразие предметов Куганакского клада в свое время указывал и К. В. Сальников. Если принять эту точку зрения, то клад надо считать зарытым в землю в более поздние века с предметами разных времен.

бы, гильзы, тряпки, бусы и другие предметы. Подобные обряды в 1950 г. наблюдал у башкир Белорецкого и Бурзянского районов геолог Ф. Ф. Чебаевский, а также С. И. Руденко.

Культ дерева или растительности, отмеченный еще Ибн-Фадланом, восходящий к глубокой древности, традиционно сохранился у ряда народов, в том числе башкир, в их фольклоре, обычаях, прикладном искусстве. О том, что этот культ связан с глубокой древностью, свидетельствуют бляшки, найденные около Уфы, в могильнике у Лысой горы в 1910 г. (рис. 38). На них изображены грифоны, стоящие на задних лапах лицом друг к другу и опирающиеся передними ногами на ствол дерева. Смысл этих изображений заключается в поклонении зверей священному дереву жизни, расположенному между ними. Сам сюжет, вероятно, заимствован с Востока, быть может, от скифосарматов, которые находились в контакте с племенами этого региона, хотя техника исполнения бляшек указывает на местное, приуральское, происхождение.

Этот мотив — дерево жизни, охраняемое животными или птицами, — получил самое широкое распространение в прикладном искусстве башкир. Прежде всего данный мотив встречается на хараусах (налобных повязках башкирских женщин), вышедших из употребления еще в конце XIX столетия (рис. 40, 41). Когда-то они играли важную роль в свадебных обрядах. Основой хараусов служило суровое полотно. Вышивались они по определенному канону, с сохранением строго традиционных форм. Орнаментальные мотивы, украшающие хараус, сводятся к сильно стилизованным элементам геометрических очертаний, нередко напоминающих по своей форме зооморфные изображения и елочку. Если внимательно разобраться в сюжетах вышивок на хараусах, то нетрудно убедиться в том, что они состоят из композиции, отображающей или «древо жизни», или «богиню земли» в центре, по бокам же — зооморфные существа, почтительно им кланяющиеся. В некоторых случаях элементы сюжета изображены более или менее реалистично — в виде лошади или профиля птицы. Но большей частью они так схематизированы и стилизованы, что об их сюжете можно только догадываться. Возможно, поэтому некоторые исследователи не обращают достаточного внимания на сюжеты башкирских хараусов.

Сюжеты вышивок на башкирских хараусах нельзя рассматривать изолированно, односторонне, они являются лишь разновидностью широко распространенных мотивов вышивок народов Поволжья и Приуралья, связанных с символикой культа «великой богини».

«Великая богиня» первоначально располагалась между двумя всадниками в сопровождении птиц и зверей. Но позднее ее фигура на вышивках сильно стилизуется, и антропоморфная богиня заменяется столбообразным идолом.

На некоторых хараусах «богиня земли и плодородия» условно изображена в виде вазы или столбика с ромбовидной головкой между птицами (рис. 41); расширение в середине столбика образует контур плеча, а раздвоение внизу — ног. Чтобы сохранить традиционную композицию на хараусе, два треугольных изо-

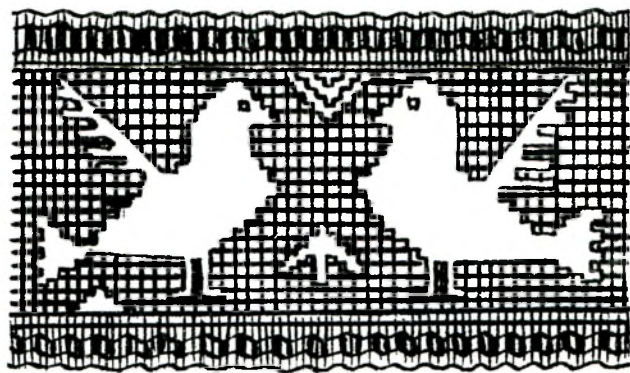

Рис. 39 Изображения на головной повязке башкирской женщины — тастарбаш

Рис. 40, 41 Изображения на башкирских хараусах

Рис. 42 Чашка из Стерлитамакского могильника

Рис. 43 Башкирский деревянный ижау (ковш)

Рис. 44, 45. Башкирские оконные наличники

бражения поставлены рядом, а третье повернуто сверху вниз в середине.

На других хараусах с подобным сюжетом у «богини плодородия» более четко очерчены основные части фигуры (голова, руки, туловище), но птицы заменены простыми неправильными прямоугольниками (рис. 40). Декоративная композиция «богини земли и плодородия» иногда приобретает форму каких-то симметричных фигур, чаще всего напоминающих елочку, по типу ленточного орнамента обских угров. Дополнительные штрихи в композиции центральной фигуры и боковых изображений призваны заполнить свободную площадь материала и придать строгую симметричность изображениям. Образы птиц, изображенных на башкирских хараусах и охраняющих «древо жизни», мы можем видеть почти в аналогичной сцене, изображенной на серебряной чашке, найденной в Стерлитамакском могильнике VIII—IX вв. н. э. (рис. 42). Голуби на чаше как бы выступают из лепестков растений, а «древо жизни» условно расположено внизу между ними в виде выступа. При этом ручка древней чашки имеет близкое сходство с ручкой башкирских деревянных ковшов. Большая часть предметов из могильника местного происхождения, и, вероятно, пользовались ими древние башкирские племена.

Этот сюжет более реалистично передан на башкирских ковшах (*ижау*) для кумыса. Ижау вырезался обычно из целого куска дерева. Мастера не резали их по какому-либо образцу; все изображения различны по размерам и манере исполнения. Ручки ковшов заканчивались изображением фигур животных, в большинстве случаев — головок птиц. Наиболее характе-

рен ижау с изображением «древа жизни» или «богини земли» в виде столбика с расширением наверху, заключенного между стоящими с обеих сторон «животными» (рис. 43). Головы последних соединены с условной центральной фигурой. Головы и спины «животных» выполнены в виде кольцевых отверстий, которые имели не только декоративное значение, но и служили для подвешивания ковша. Шеи «животных» вырезаны спиралеобразно. Возможно, изображения на башкирских ковшах символизировали тотем — покровителя рода или были связаны с другими языческими представлениями.

Мастера-резчики по дереву, как и мастерицы-вышивальщицы, обладали исключительно богатой фантазией, изображая замысловатые фигуры не только на предметах домашнего обихода, но и на воротах, крышах, оконных ставнях и наличниках.

В башкирской деревне Лямьян (Журавлиная поляна) Гафурийского района привлекает внимание оконный наличник одного из домов. На нем четко и ясно вырисовывается композиция из животных с изображенным между ними то ли «древом жизни», то ли великой «богиней земли» (рис. 44). Здесь те же кольцевые отверстия у фигур, но трудно определить принадлежность их к какому-либо виду животных, так как для мастера они имели лишь декоративное значение и он не представлял сюжет изображения.

На оконных наличниках встречаются и иного рода трактовки подобных сюжетов. Так, например, оконный наличник (рис. 45) более реально изображает дерево, а птицы даны условно в виде каких-то завитков с крючковатыми концами и в противоположную от завитков сторону. Встречаются иногда наличники с изображением драконов или змей. Так, Г. К. Вагнер сообщает об изображениях змей в орнаменте обрядового печения и домовой резьбе в Костромской области и в Башкирии. Резные змеи в геральдической композиции помещаются здесь обычно над окнами, вероятнее всего, в значении древнего оберега (8).

Было отмечено, что описанный сюжет характерен и для других народов Поволжья и Приуралья. В частности, о мотиве двух птиц с деревом в центре, заключенных в треугольнике у коми, В. Н. Белицер пишет: «Этот мотив очень близок к вышивкам на башкирских повязках — хараус. Верхний край оконного наличника вырезан в виде стилизованных птиц и животных. Некоторые наличники украшены по бокам резными конскими головками». В качестве наглядной иллюстрации для сопоставления сюжетов вышивки в Башкирии и Коми могут служить еще изображения птиц на набойке из Коми-Пермяцкого национального округа, отмеченной в работе А. В. Збруевой (3).

Резюмируя сказанное, необходимо подчеркнуть, что символика «богини земли» и «древа жизни» нашла отражение именно на хараусах — налобных повязках невест (продолжение жизни), а также на оконных наличниках, ковшах — т. е. на предметах, без которых немислимо человеческое существование. В этом глубокие философские корни народной мудрости, воплощенные в формах декоративно-прикладного искусства башкир.

IV. Древние мотивы башкирского зооморфного орнамента

Упомянутые сюжеты «богини земли и плодородия» переплетаются с зооморфными типами орнаментов башкир и, разумеется, имеют непосредственное отношение к древностям Приуралья вообще. Известно, каких только фигурок зверей и птиц не находили во время археологических раскопок в Приуралье, в том числе и в Башкортостане. А. В. Шмидт писал: «Пермский звериный стиль бытовал в крае весьма длительное время. Он возник в ананьинскую эпоху, обозначившую рубеж бронзового и железного веков и продолжал существовать в течение всего железного века...» Далее автор отмечал, что «мотивы религиозного характера, несомненно, играли большую роль в создании и развитии многих образов пермского звериного стиля» (10).

Выше уже было сказано о Куганакском кладе, где найден целый комплекс различных обрядовых предметов, в том числе звериные лапки, шкурки зверей и т. д. В Уфимском (раскопки В. В. Гольмстен) и Охлебининском (раскопки А. Х. Пшеничнюка) могильниках найдены бронзовые бляхи с сильно стилизованным изображением оленя (рис. 46). В первом случае острая морда оленя повернута назад, рога в виде S-образных спиралей перекинута в сторону спины, а туловище обрамлено веревочным орнаментом. Более реалистичное изображение оленя на пряжках и бляшках Биктимировского могильника (рис. 47). Для всех этих изображений характерны замысловато подчеркнутые рога оленя. В одних случаях это достигается посредством затейливого изображения, в других — чрезмерным увеличением размера рогов. Надо полагать, что пряжки и бляшки с изображением оленя имели широкое распространение среди родо-племенных групп Южного Урала кара-абызовского времени. Вероятно, они были связаны с пережитками тотемизма. В кургане близ деревни Ишимбаево Салаватского района найдены серебряные пластинки от седла с изображе-

Рис. 46 Бляха из Уфимского могильника с изображением оленя

Рис. 47 Бляха из Биктимировского могильника с изображением оленя

Рис. 48 Северо-кавказское навершие типа «оленьи рога»

нием хищных зверей, крылатых коней, а также оленей или диких коз. В инвентаре курганного могильника IX—X вв. у деревни Ново-Биккино Чекамгушевского района найден костяной предмет с изображением лося. Но символика оленя была характерной не только для Приуралья. Образ оленя в различных вариантах запечатлен на археологических предметах в Средней Азии, Сибири, на Кавказе и др. регионах. Позднее оленьи изображения становятся главной эмблемой аланских племен Северного Кавказа.

Говоря о прототипах уфимских бляшек с изображением оленя, А. В. Збруева полагала, что они заимствованы от племени Северного Кавказа. Такое предположение подтверждается примерами этнографического характера. Так, например, в одном из видов башкирской вышивки на чепраках к женским седлам, на кисетах, на широких лентах для перетяжки подушек, на женских халатах растительные формы сочетаются с орнаментом мотивов «оленьи рога».

На первый взгляд трудно разобраться в сюжетах этого типа башкирских вышивок. Но при сопоставлении их с предметами северо-кавказских археологических находок можно установить, что такого рода вышивки продолжают в схематической форме сюжеты скифо-сарматских наверший типа «оленьи рога» в их строго симметричной и ажурной композиции. Так, на верхних ветвях северо-кавказской находки (рис. 48) и на башкирском узоре (рис. 49, 50) мы видим симметрично расположенные изображения птиц. Но на предмете из Северного Кавказа они даны реалистично, а в башкирском орнаменте — условно. Если в основании кавказского изображения можно представить голову оленя с его ушами, то на башкирской вышивке такую головку заменяет ромбовидное основание. Различие между ними определяется разницей во времени. Данная форма башкирского орнамента сочетает элементы типа «оленьи рога» и завитки типа «древо жизни», как бы продолжая традиции, бытовавшие еще в глубокой древности.

Такое толкование орнаментального сюжета подкрепляется и башкирской ономастикой. Так, например, в Иглинском районе Башкортостана имеются две деревни и железнодорожная станция под названием Казаяк. Его происхождение некоторые местные жители объясняют башкирским словом «каз аягы» (гусиная лапка). Но слово **كازايي** на персидском языке означает «олений рог». Если принять во внимание, что в словарном составе башкирского языка немало слов персидского происхождения, то слово «казаяк» можно перевести как «олений рог». Такое предположение подтверждается еще и тем, что вблизи этих сел расположено небольшое поселение Болан-торган (Стойбище оленя).

При археологических раскопках в Башкортостане, в особенности памятников первого тысячелетия, часто встречаются подвески-амулеты с изображением медведя. Они найдены в Каратамакском, Бирском и Бахмутинском могильниках. При раскопке городища Уфа-II обнаружены подвески из медвежьей кости. Еще раньше амулеты из медвежьего клыка с просвер-

Рис. 49, 50 Башкирские вышивки типа «оленьи рога»

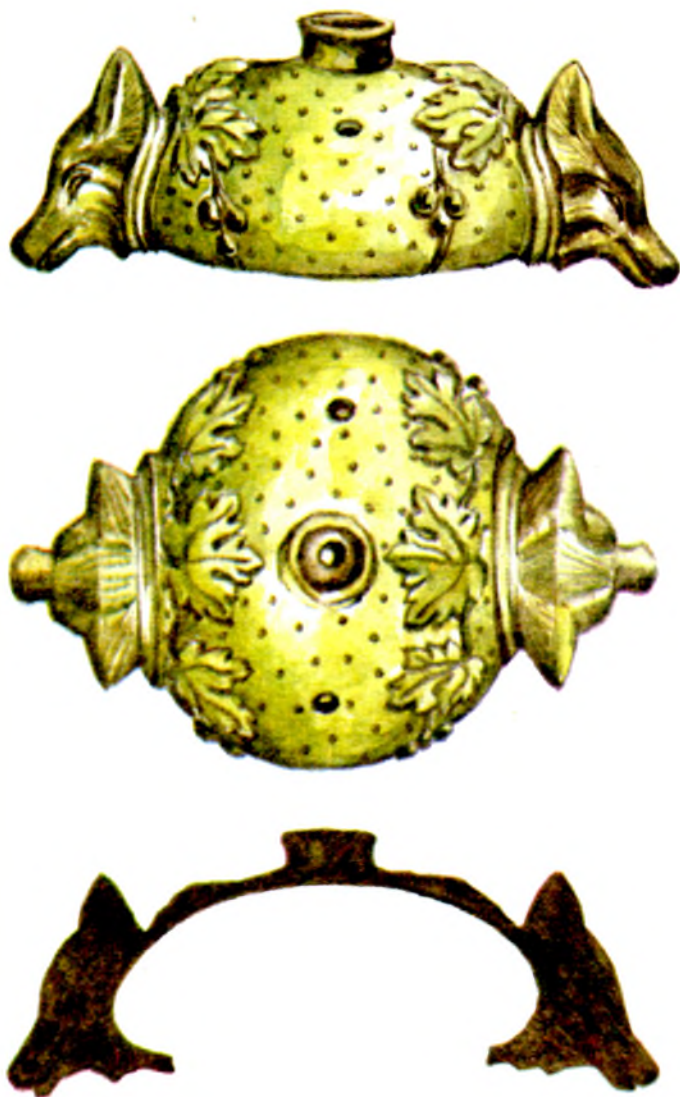

Рис. 51 Бронзовый колокольчик, найденный в Салаватском районе

Рис. 52 Изображения медведя и лисы (резьба по дереву)

ленными отверстиями были найдены на городищах Лысая гора и Воронки близ г. Уфы.

Как отмечал В. А. Городцов, особое внимание к изображениям медведя проявляли древние племена урало-алтайского региона. Это объяснялось тем, что медведь у них был одним из древнейших и почтеннейших тотемов.

Отголоском древних тотемических представлений и языческих воззрений башкир являются, очевидно, названия некоторых родо-племенных групп именами животных: *айыу* (медведь), *йылан* (змея), *куян* (заяц), *терне* (еж), *бесэй* (кошка), *болан* (олень) и др.

У горных башкир сохранились различные легенды, связанные с медведем. Когти и клыки медведя, других животных башкиры носили в качестве амулетов. Медвежьи черепа и черепа коней надевались на колы около скотных дворов как талисманы, охраняющие от несчастных случаев. Скульптурный образ медведя встречается в башкирском прикладном искусстве.

Оригинальным предметом искусства предков башкир является находка из Салаватского района, най-

денная в дер. Калмаккол, на приусадебном участке колхозника А. Ф. Ислахова. Этот бронзовый предмет представляет собой, очевидно, своеобразный колокольчик культово-обрядового назначения, служивший при исполнении подобных обычаев в древности (рис. 51).

Находка полусферической формы, несколько сплюснутой, с изображением головок лисиц с двух сторон. Корпус колокольчика и головки лисиц отлиты отдельно на формочках, а затем соединены при помощи спайки. На поверхности головок узоры из тонких линий, обозначающие волосной покров. Невольное восхищение вызывает мастерство древнего скульптора, который сумел так точно и реалистично изобразить их.

Головки лисиц опоясаны орнаментальной полоской из листьев, возможно, смородины или брусники с висящими ягодами на концах. Края колокольчика и трубчатая его петля сверху срезаны уже в наше время, что не позволяет судить о их формах. С двух сторон колокольчика сверху два сквозных отверстия, а

Рис. 53 Секира из городища Кара-абыз

Рис. 54 Подвеска из городища Чондар

поверхность корпуса украшают многочисленные очерченные точки.

Колокольчик массивный, толстостенный, длина — 9,5 см, диаметр — 8 см.

Небольшие бронзовые колокольчики, также полусферической формы, найдены в Уфимских, Лагеровских могильниках и в Темясовских позднесарматских курганах. А в Шареевском могильнике в Кармаскалинском районе, датируемом серединой первого тысячелетия н. э., найдены колокольчики с изображением лошадиных голов, обращенных в противоположные стороны.

Все эти данные позволяют нам утверждать, что описываемый нами колокольчик является предметом местного производства и датируется примерно серединой первого тысячелетия н. э.

Настоящим шедевром башкирской художественной резьбы по дереву являются кольцевые цепочки, заканчивающиеся подсвечником или ковшом (ижау) на одном конце и большим круглым кольцом на другом конце, со скульптурным изображением медведя, лисы или волка в круге (рис. 52). Такая цепочка, состоящая из многочисленных звеньев, вырезалась из одного целого куска дерева без применения клея, гвоздей или иных скрепляющих материалов.

Эта по сложности и тонкости виртуозная работа башкирских мастеров народного творчества может быть уверенно сопоставлена с образцами изделий ювелирных мастеров.

В Приуралье и Прикамье начиная с ананьинского времени и до конца первого тысячелетия н. э. довольно часто на предметах встречаются изображения хищной птицы, особенно ее головы, клюва, глаз и когтей. На бронзовом клевце из Уфимского могильника изображена голова хищной птицы. Железный клевец аналогичной формы с изображением птичьей головки найден вблизи городища Кара-абыз Благовещенского района. Там же найдена бронзовая секира с замечательным реалистическим изображением хищной птицы (рис. 53). В 1941 г. в Уфе среди уникальных сасанидских предметов VI—VII вв. н. э. найдена серебряная чаша с изображением орла. А. И. Вошинина отмечала, что эта чаша имела культовое значение. А. П. Смирнов также считал, что восточные сосуды с изображением различных сцен использовались местными племенами в культовых целях, в зависимости от характера этих изображений.

Еще в 1878 г. в погребении VII в. в Уфе, среди других интересных материалов, была обнаружена серебряная чаша с изображением птицы. На уфимском Чертовом городище (Лысая гора) было найдено бронзовое крыло, очевидно, фрагмент какого-то предмета. На пряжках из Биктимировского могильника изображено переплетение птичьих голов, вероятно, диких уток и гусей, принятых А. Х. Пшеничнюком за головки диких баранов.

В экспозиции Стерлитамакского музея хранится бронзовая птичья головка, найденная на городище Чондар близ Бахмутинского могильника (рис. 54). У нее длинный клюв с роговидным выступом сверху, как у болотного кулика или чибиса. В кургане около де-

Рис. 55 Бляшка из Халиловского кургана

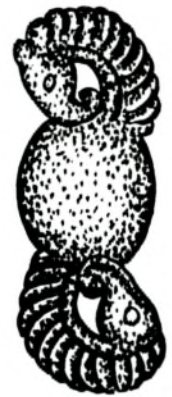

Рис. 56 Бляшка из Уфимского могильника

Рис. 57 Деревянная кадочка с изображением птиц

ревни Халилово Дуванского района обнаружены бляшки с изображением петуха (рис. 55).

О чем говорят нам все эти археологические примеры? Если сделать исторический экскурс, то мы должны признать, что образ птицы в течение веков пережиточно сохранился в атрибутах родо-племенных групп башкир, а также в их фольклоре и прикладном искусстве. Вплоть до XIX в. у каждого башкирского рода, кроме своего дерева, были особо почитаемые птицы и тамги. У Юмран-Табынского рода, например, птица — *каракош* (орел), тамга — *кабырга* (ребро) и кличка — *салауат*.

Анонимная «История Чингисхана и Тимурлана» (на джагатайском яз.) передает слова Чингисхана, якобы сказанные им башкиру Тамьян-бею (род Тамьян): «Пусть твоим деревом будет ива, птицей — ворона, тамгой — знак крюк». Для Кипчак-бея (род Кипчак) он определил: деревом — вяз, птицей — беркута, ораном — токсаба, тамгой — знак гребня. Для Бурзян-бея (род Бурзян): деревом — дуб, птицей — кошелган, ораном — актуган, тамгой — ягалбай*.

Здесь надо иметь в виду и то, что башкиры испокон веков были увлеченными и отважными охотниками, чему способствовало изобилие промысловых животных и пушных зверей в необъятных просторах Южного Приуралья, что не могло не отразиться в их декоративно-прикладном искусстве. В прежней работе мы отмечали, что имя нашего народа «Башкорт» связано с охотой, так как на языке фарси термин «башгерд» означает охотник (см. книгу «Наскальные знаки и этнонимы башкир». С. 74). Ведь аналогичные примеры в истории не единичны. Так, например, имя соседнего нам народа «Удморт» тоже связано с языком

Рис. 58, 59, 60 Деревянные ковши (ижау) с изображением головок птиц на ручках

* Труды Оренбургской ученой архивной комиссии. Вып. XIX. Оренбург, 1907 г. С. 136. Здесь встречаются слова, которые не применяются в современном башкирском языке: *оран* — кличка, *актуган* — священнорожденный или чисторожденный, *ягалбай* — ястреб, *кошелган* — быть может, водяная крыса — *көшөд*, *токсаба* — возможно, от слова «током» — потомство, род, племя (?).

фарси и означает лесной человек: уд — лес, морт — человек. Так что зооморфные сюжеты в прикладном искусстве башкирского народа связаны не только с его образом жизни, но и с происхождением его имени — этнонима.

Таким образом, каждый башкирский род имел свою птицу (вероятно, пережиток тотемизма), но самыми распространенными из них были: беркут, сокол, ястреб, горный орел и журавли. Хищные птицы имели практическое значение в хозяйственной жизни башкир как ловчие для охоты на лисиц, зайцев, уток, гусей и даже волков. Следует отметить, что орлиные перья прикреплялись башкирами к стрелам, что скорее всего говорило о пережиточных магических обрядах древности, связанных с обеспечением удачи на охоте.

На башкирских деревянных кадках встречаются резные изображения большой летящей птицы с вытянутым хвостом, но с не всегда четко выраженной головой (рис. 57). Возможно, на них изображены беркуты или соколы, а на некоторых — журавли.

Выше уже было отмечено, что ручки многих башкирских ковшов заканчиваются стилизованным изображением птичьих головок, напоминающих голову пехуха, курицы или каких-то неопределенных птиц (рис. 58, 59, 60). Все это не случайное явление в башкирском искусстве, а традиционно связанное с орнаментом древних обитателей края. Башкирский народ продолжал и развивал искусство древних племен Прикамья и Приуралья, казавшееся погребенным в глубине веков. Причины такого явления кроются в этнокультурных, этногенетических связях, которые составляют самостоятельную научную тему.

V. О формах линейно-геометрических орнаментов

Рассмотрим орнаментальные формы, встречающиеся на археологических материалах Башкортостана, и попытаемся их сопоставить с орнаментом башкирской этнографии. Для убедительности сначала сопоставим такие типы орнамента, которые более наглядно и ярко иллюстрируют сходство между орнаментами предметов древности и башкирской этнографией.

В башкирском прикладном искусстве нередко встречается орнамент или комбинация орнаментов, состоящих из очковидных спиралей или восьмиобразных фигур (рис. 61, а).

Мы говорили уже выше, что большинство таких фигур (спирали, завитки) связаны с пережитками культа змей.

Бляхи, бляшки и крючки с очковидными спиралями найдены в Уфимском могильнике из раскопки В. Гольмстен (рис. 61, а). Там же найдены S-образные височные привески. Подобного же типа орнаменты на предметах Охлебнинского могильника.

Очковидные спирали и ∞-образные подвески нередко встречаются среди археологических комплексов Приуралья и Прикамья. В частности, аналогичные предметы были найдены в Зуевском могильнике. Многие предметы прохоровских курганов также украшены очковидными спиралями. Следовательно, и в данном случае аналогию для башкирского орнамента надо искать прежде всего в археологических предметах Южного Приуралья. Если же обратиться к более отдаленным аналогиям или прототипам, то эталоном для Приуралья могли бы служить очковидные спирали и завитки, найденные при раскопках на Северном Кавказе, в частности, в районах р. Терек и бассейна р. Сунжи.

Среди археологических комплексов Уфимских, Турбаслинских могильников IV—VII вв. н. э. найдены бляшки и наконечники ремней с роговидными загибами и симметричным раздвоением на концах в виде ласточкиного хвоста (рис. 61, б).

В орнаментальных элементах башкир можно найти немало примеров, связанных с аналогичными археологическими прототипами. Так называемые роговидные узоры кускарной вышивки в основном выполнены по мотивам конфигурации бляшек и наконечников ремней из перечисленных могильников (рис. 61, б). Семантика таких изображений, возможно, была связана с мифологией дерева жизни или более поздней стадией антропоморфизма, с изображением богини жизни, получившей широкое распространение в сарматоаланском мире.

Башкирские орнаментальные узоры в виде трех кружочков, расположенных пирамидально или состоящих из трех монет, могут быть сопоставлены с такими же орнаментальными мотивами, встречающимися на шейках глиняных сосудов Кара-абызского и Уфимского городищ, Стерлитамакского могильника (рис. 61, в). По аналогичной форме выполнены трехлепест-

Этнографический орнамент

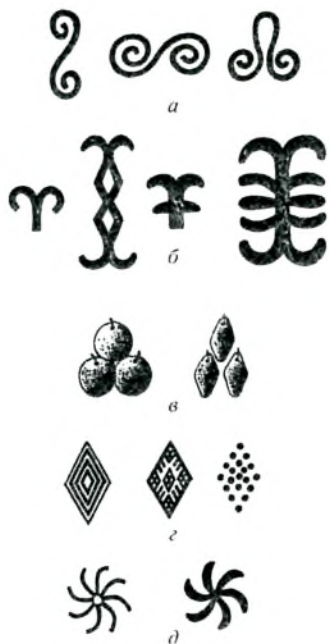

Рис. 61 а, б, в, г, д. Орнаментальные сюжеты башкир и древних племен края

Орнамент археологических предметов

ных изделиях. Когда смотришь на резные елочки по краям башкирских деревянных кадок или на пояса из веревочного орнамента, то невольно представляешь орнаментальные пояса «в елочку», косые насечки или веревочный орнамент глиняных сосудов так называемой культуры Курмантау, орнаментированных сосудов городищ и могильников ананьинского времени и сосудов памятников первого тысячелетия н. э. (рис. 62). Здесь требуется лишь внимательный взгляд и простое сопоставление их, чтобы убедиться не только в сходстве, но порою и в полном совпадении геометрических узоров этнографических и археологических материалов Башкортостана.

Для сопоставления с линейным орнаментом этнографических предметов башкир в разных его видах достаточно взять для примера глиняные горшки, найденные в Бахмутинском и Ишимбаевском могильниках (рис. 63, 64). На этих однотипных горшках представлены почти все виды линейного узора: рубчики или насечки по верхнему краю венчика, ряд параллельных линий, круговые зигзаги, пояса из сетчатого орнамента и точек, круг из ромбовидных фигур. Что особенно интересно — над орнаментом донного пояса первого из них выступают ветвистые резные узоры, представляющие собой, очевидно, схематические изображения растительности.

Кто знает, быть может, гончарные мастера хотели изобразить космогоническую мифологию, связанную с явлением природы, как это установил Б. А. Рыбаков в отношении глиняных сосудов энеолитической культуры Триполи.

Растительные изображения встречаются на башкирских столах или своеобразных комодах, покрытых сплошь резным геометрическим орнаментом. Эти кухонные столы или комоды имели, очевидно, какое-то загадочное значение. Об этом можно говорить хотя бы потому, что изображения домов на них расположены между деревьями. Быть может, семантика этих изображений заключалась в том, что они символизировали хозяина и хозяйку дома, как это засвидетельствовано в селении Ягид (Дарваз) в Таджикистане. На стенной росписи жилищ Ягида люди нарисованы в виде растений: крупное растение означало мужа, поменьше — жену, а кустики — детей. В некоторых башкирских селениях в недалеком прошлом домашние цветы также распределялись между членами семьи. Если башкирский орнамент или часть орнамента совпадает с легендой ираноязычных народов, то в этом можно видеть пережитки сармато-аланской культуры, когда-то получившей широкое распространение на огромных просторах Нижнего Поволжья и Южного Урала.

В связи с этим возникает вопрос: башкирские кухонные столы или своеобразные комоды, покрытые пестрым и разнообразным орнаментом, не служили ли они в качестве каких-то обрядовых предметов, наподобие каменных алтарей савроматов-сарматов Южного Урала?

Орнаментальные узоры башкир в виде разных вариантов меандра и флажков постоянно встречаются на глиняных сосудах памятников абашевской, андроновской и срубной культур Южного Приуралья (рис. 62).

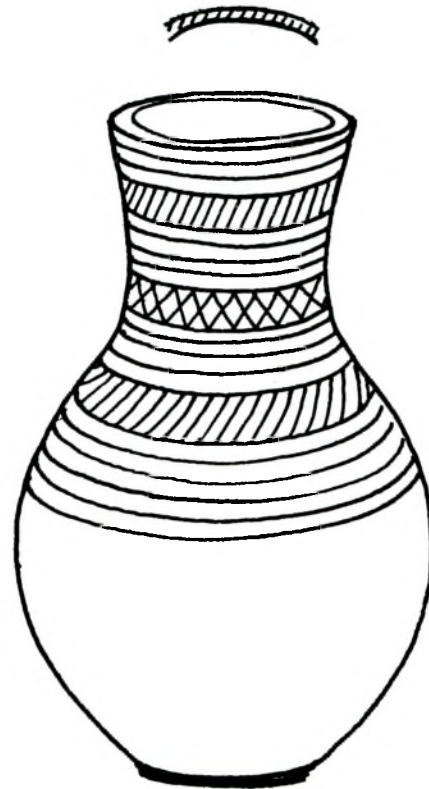

Рис. 63, 64 Горшки из Бахмутинского и Ишимбаевского могильников с линейным орнаментом

Рис. 65 Головной убор башкирской женщины — кашмау и нагрудник — селтер

Башкирский орнамент в виде гребенки с треугольным навершием, возможно, является условным подражанием подвескам древности с утиными лапками.

Немалый интерес в башкирском орнаменте представляет техника зерни и вставки драгоценных камней на бляшках, медальонах и других предметах металлических украшений. Так, например, головной убор башкирских женщин — *кашмау* — сплошь покрыт красным бисером в стиле зерни. На женском бешмете (елэн), поступившем в музей в 1970 году из Кугарчинского района, наряду с другими украшениями, оформлены звездочки и треугольники, скомбинированные из светло-коричневых бус, что также представляет технику зерни. Особенно примечательны поверхности двух металлических подвесок еляна, заполненных орнаментом из мелкой зерни и со вставными камнями в гнездочках. В связи с этим интересно упомянуть об одежде савроматов-сарматов. К. Ф. Смирнов писал, что савроматы носили длинные рубахи и остроконечные шапки, густо украшенные бусами и бисером, которые нашивались на головные уборы, на ворот и грудь одежды, на края рукавов и шаровар, т. е. так же, как у башкирских женщин (54). Орнаментация этих подвесок, выполненных под цвет золота, является как бы повторением орнаментальных приемов, характерных для медальонов и бляшек уфимских погребений V—VII вв. н. э.

Женский нагрудник — *накал*, поступивший в фонд музея также в 1970 году, по краям окаймлен небольшими бубенчиками и колокольчиками, напоминающими нам бубенчики Стерлитамакского и подвески-колокольчики Уфимского могильников.

Таким образом, в формировании орнамента одежды и украшений башкирских женщин большую роль сыграли прототипы орнаментов бахмутинской, уфимско-турбаслинской и стерлитамакской культур древности.

Мы даже полагаем, что головные уборы башкирских женщин — кашмау и нагрудники — селтер своим происхождением связаны с уфимско-турбаслинской культурой (рис. 65).

Рассмотрим орнаменты башкир более сложного переплетения, встречающиеся главным образом на башкирских стальных занавесах (*шаршау*), на скатертях, паласах, хараусах и на концовках полотенец. Орнаменты таких предметов состоят в основном из сочетаний трех элементов: 1) ромбов и квадратов, разделенных в свою очередь на мелкие ромбы и квадраты, или в сопровождении елочных узоров, мелких крестовин, звездочек и точек; 2) ромбов с крючками; 3) так называемых шахматных ромбов и квадратов. Ареал распространения аналогичных орнаментов чрезвычайно велик. Подобные орнаменты в разных видах и вариантах получили широкое распространение среди многих народов Европы и Азии. Поэтому приписывать их творчеству одного народа или указывать на народ, от которого башкиры могли бы их воспринять, невозможно.

В основе семантики этих орнаментов, очевидно, лежит раннеземледельческий, растительный культовый символ. А. К. Амброз разделяет их по значимос-

Рис. 66 Виноградная лоза на серебряном блюде из Алкино

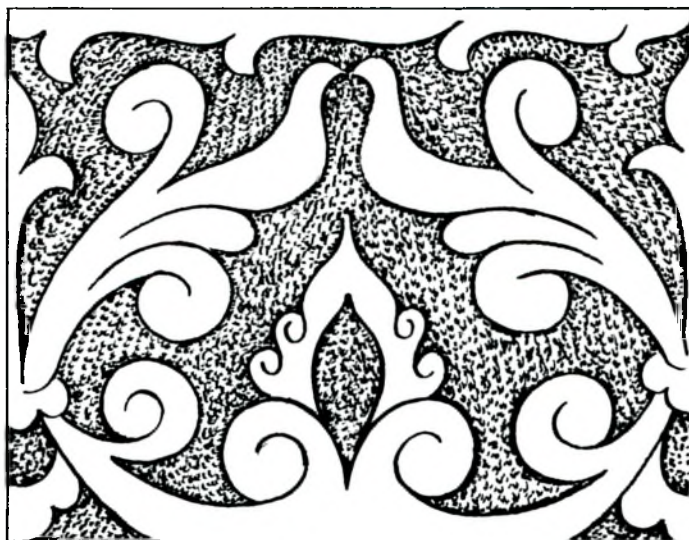
Рис. 67 Растительный орнамент на чашке из Стерлитамакского могильника

ти на следующие группы: 1) одиночный ромб с крючками — символ плодородия; 2) цепочка ромбов изображает дерево жизни; 3) шашечный ромб — знак земли — почвенный.

Ромбы с крючками и шахматные ромбы, S-видные завитки и свастики получили широкое применение в женских украшениях еще с раннего средневековья. Форму и содержание подобных орнаментов, в зависимости от конкретных условий жизни, каждый народ определил по-своему. Например, у чувашей ромбы с крючками были центральным мотивом нагрудной вышивки на женских рубахах. Подобная вышивка на груди женского платья у марийцев еще сохранила название «сторож груди». У киргизов ромбы с крючками, когда-то служившие символом добра и изобилия, теперь трактуются как знаки удачной охоты.

Таким образом, этот атрибут древней мифологии, связанной с культом солнца и плодородия, по народной традиции сохранился до наших дней и, утратив свое первоначальное значение, превратился в чисто декоративный элемент народного творчества.

По мнению А. К. Амброза, ромбы с крючками раньше всех появились в Иране и через Переднюю Азию распространились в Средней Европе уже в эпо-

ху неолита. Мы не располагаем в настоящее время достаточными данными для утверждения о том, что первоначально этот тип орнамента распространился на Южном Урале. Простые и заштрихованные ромбы широко применялись здесь начиная еще с эпохи ранней бронзы. Типичная форма ромба с крючками нам известна по наскальным изображениям на Зенковской скале Урала, датируемым В. Н. Чернецовым концом третьего и началом второго тысячелетия до н. э.

Остановимся вкратце на растительном орнаменте башкир.

Ни в среде археологических материалов бронзового века, ни в среде археологических материалов раннего железа мы не встречаем растительного орнамента, если не считать некоторых предметов культового характера и единичных предметов южного происхождения. В те отдаленные времена на Южном Урале безраздельно господствовали геометрический орнамент и зооморфные сюжеты. Археологические предметы с растительным орнаментом появились примерно в середине первого тысячелетия нашей эры, и то на привозных предметах.

Замечательным образцом растительного искусства являются виноградные лозы алкинского блюда, датированного А. П. Смирновым III—IV вв. н. э. (рис. 66). Предметы с растительным орнаментом частично встречаются на предметах уфимских погребений IV—VII вв. н. э., в инвентаре курганных захоронений Башкирского Зауралья VIII—IX вв. В то же время появились небольшие сердцевидные бляшки. Растительный орнамент в виде цветков изображен на серебряной чашке Стерлитамакского могильника, там же найдены бляшки с растительным узором (рис. 67).

Следовательно, распространение растительного орнамента на Южном Урале связано с появлением здесь тюркоязычных племен примерно в середине первого тысячелетия. Но растительный узор не смог успешно конкурировать с геометрическим узором аборигенов и это прежде всего относится к раннему этапу развития башкирских племен. Растительный орнамент пробивает себе дорогу в среде башкир начиная лишь с XVI в. и в основном в тех районах, где происходили интенсивные контакты и смешение башкир с пришлым татарским населением.

Как известно, некоторые общие черты или унификация орнамента различных племен и народов существовали еще в древности. Они были связаны или с непосредственным контактом между древними племенами или с одинаковыми условиями их исторического развития. Но самостоятельность их развития никогда и никем не оспаривались. На более высоком уровне развития общества, когда экономические и культурные связи между соседними народами еще больше возрастают, пропорционально идет неоспоримый объективный процесс экономического и культурного сближения народов.

Поскольку речь зашла о соотношении башкирского и татарского орнаментов, то здесь не будет излишним остановиться на мнении знатоков татарского и тюркского орнаментов по данному вопросу.

Известный татаровед проф. Н. И. Воробьев в своей последней работе писал, что растительный орнамент татар необходимо считать весьма древним, но не местного происхождения, а принесенным в край из степной местности, где он развит у всех тюркских народностей. В процессе формирования народностей не менее древний геометрический орнамент у татар не *развился...* (курсив наш). Далее он отмечал, что не смог у татар сохраниться и зооморфный орнамент (17).

Следовательно, в развитии татарского и башкирского орнаментов существовало значительное различие, выразившееся в том, что у татар получил доминирующее значение перенесенный из степных областей растительный орнамент, а у башкир до последних веков доминировал древний, т. е. местный геометрический и зооморфный орнамент.

Н. И. Воробьев отмечал еще другой интересный для нас факт: изделия татарских плотников и столяров по качеству были гораздо хуже, чем изделия марийских и чувашских деревообделочников. Очевидно, здесь он имел в виду, прежде всего, художественную резьбу по дереву. Если так, то башкирские резчики по дереву превосходили не только татарских мастеров по дереву, но и марийцев и чувашей в этом виде искусства. Таким образом, и в этом вопросе мы видим значительное различие между башкирским и татарским прикладным искусством.

VI. О символике коня в народном творчестве башкир

Как отмечал в своих записях Ибн-Фадлан, среди двенадцати культов у башкир был культ лошади, что восходит своим происхождением к языческим и тотемическим воззрениям древних обитателей края. Во времена Ибн-Фадлана (922 г.) башкиры были язычниками, и неудивительно поэтому, что ему удалось записать целую таблицу «богов» башкир этой эпохи.

Прежде чем говорить о культе коня в древности, мы остановимся на мифических образах коня в башкирском фольклоре и на символике коня в прикладном искусстве башкир. А затем, при помощи сравнительного анализа башкирских легенд и легенд древних племен края о коне, попытаемся установить генетические связи между ними.

С незапамятных времен одним из основных занятий башкирского населения было скотоводство, особенно разведение лошадей. Один из видных исследователей Башкирии середины XIX века В. М. Черемшанский писал, что природа наделила башкирские земли роскошными лугами и обширными, тучными пастбищами, и они содержат многочисленные стада скота, особенно лошадей, так что зажиточные из них имеют по несколько сот голов. Это не значит, что башкиры не занимались другими видами хозяйства. Но основным видом из них все же было скотоводство.

Лошади служили для башкир главной тягловой силой во всех видах работы, они служили главным средством передвижения, башкиры питались в основном лошадиным мясом, из кобыльего молока приготавливали национальный напиток — кумыс, из лошадиных шкур делали обувь и разную хозяйственную утварь, из волос — веревки, сети и прочие вещи. Башкирские лошади были особой породы: коренастые, лохматые, длинноухие и неприглядные, но выносливые, осторожные, ловкие, способные вынести трудности и лишения. Не только мужчины, но и женщины являлись искусными наездниками, мастерски владели приемами боя пикой, меткой стрельбы из лука и ружья. Башкирским джигитам-конникам не раз приходилось участвовать в боях, защищая нашу родину, когда ей угрожала опасность со стороны чужеземных завоевателей.

Неслучайной поэтому была сильная привязанность башкир к лошадям, особая забота и любовь к ним. Из домашних животных у башкир только лошади имели своего «амбарного хозяина» — «ат эйһе». Лошадиные черепа стояли на колах у скотных дворов в качестве оберегов от несчастных случаев.

Археолог Н. А. Мажитов, производя раскопки в Салаватском районе, на усадьбе Юлая Азналина, отца Салавата, прославленного героя и полководца Крестьянской войны XVIII в., под фундаментом бывшего их дома в 1994 г. обнаружил два лошадиных черепа, что также связано с почитанием коня как символа добра и оберега от всех бед.

Схематичные фигуры лошадей запечатлены на резных оконных наличниках башкир, а женщины-вы-

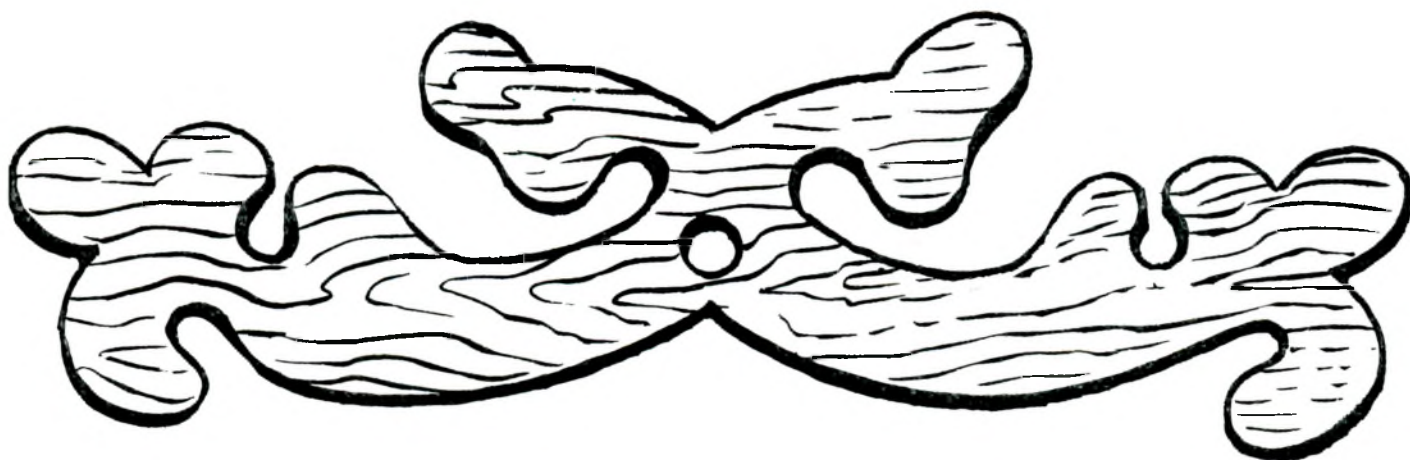

Рис. 68 Резьба на оконном наличнике в виде конских голов

Рис. 69 Вышивка на башкирском хараусе с изображением коня

шивальщицы старательно зарисовывали их на хараусах (на головных повязках), на концевках полотенец и др. На орнаментах некоторых башкирских одежд были имитированы коньковидные подвески древности.

В Национальном музее РБ хранится оконный наличник из дер. Кулгунино Ишимбаевского района, на котором мы видим композицию парных конских голов, обращенных в противоположные стороны (рис. 68). Резьбу на оконных наличниках с аналогичным изображением можно встретить во многих башкирских деревнях. Изображения конских голов иногда встречаются в сильно стилизованном виде, как, например, на крышке сундука старинной работы из дер. Иткулово Баймакского района.

Конские изображения на хараусах встречаются в композиции более сложных сюжетов, связанных с великой богиней плодородия и древа жизни (рис. 69). Хотя этот сюжет имел широкое распространение во всей Восточной Европе, но своеобразная трактовка его на башкирских вышивках и наличие археологических аналогий позволяет нам полагать, что они также имели глубокие корни в местных древностях Башкирии и, быть может, унаследованы от сармато-аланских племен Южного Урала.

Башкирские легенды, сказки и песни в большинстве своем связаны с лошадью и почти во всех случаях лошадь выступает как верный помощник человека. Лошадь иногда представлена в образе птицы, а иногда выполняет роль батыра. Каких только нет легенд и

сказок, связанных с лошадью: акбузат, тулпар, кук буртэ, алтынгойрок, комошьял, комоштыак и др. А в песнях: «Кола-атым», «Кара-юрга», «Кук-юрга» и других также восхваляется лошадь.

М. Х. Мингажетдинов, один из собирателей башкирского фольклора, отмечает, что самые лучшие поэтические строки — образцы классической поэзии — в башкирском народном творчестве посвящены коню — другу народного батыра. В башкирском героическом эпосе, сказках, кубаирах и песнях воспета буквально каждая часть тела коня, начиная с копыта и кончая кончиками ушей, каждое порывистое движение. В сказке «Бузансы-батыр» герой рождается от серой лошади, а герой сказки «Акъял-батыр» рождается от старухи с лошадиной гривой, за что и получает имя «Акъял» — белогривый.

В легендарной поэме «Акбузат» прославляется конь Урал-батыра, который прыгает через высокие Уральские горы, от удара его копыт образуются озера и вырастают горы.

Представление о доброте и благородстве лошади настолько укоренилось среди башкир, что, как повествует легенда, страшная змея была убита батыром именно потому, что он свою саблю пропитал лошадиным потом, которую считали змеиным поборником.

Если по эпосу башкир и манси олени спускались с неба, то по эпосу башкир и удмуртов лошади происходят из подводного царства. Поэтому бытует название «йылкы сыккан күл», т. е. озеро, откуда вышли лошади.

Известный русский ученый-филолог В. И. Даль оставил описание одного из вариантов интересной башкирской легенды, связанной с озером Аслы-Куль. В ней повествуется о том, что когда разгневанные братья хотели умертвить Зая-Туляка, то он спасся от неумолимой гибели на легендарном коне Тулпаре. Далее в легенде излагаются события, связанные с любовью Зая-Туляка и красавицы русалки, его уход в подводное царство и приключения в чудесном подводном мире. В момент счастливого возвращения из подводного царства Зая-Туляк получил в подарок от отца русалки — подводного падишаха — «верного коня».

«Зая-Туляк подошел к коню, русалка подала ему стремя, он сел, взял ее на колени и помчался. Зеленая вода вскипела белым ключом под копытами доброго коня, и, выбравшись на отлогий берег, пустился он стрелой к востоку на Балкан. Зая-Туляк услышал за собою ржание, топот и страшный шум и плеск в волнах. Он невольно оглянулся и только успел увидеть, что из озера выплывает, следом за его жеребцом, целый табун отличных коней. Но за Зая-Туляком последовали только те лошади, которые были уже на берегу; все те, которые еще только выплывали, ушли в воду снова и исчезли в ту минуту, когда Зая-Туляк оглянулся. От этих-то лошадей, подарка аслы-кульского падишаха, произошла порода лучших димских башкирских коней...»

Аналогичные легенды о происхождении башкирских лошадей были распространены и в других районах края, но в несколько ином варианте. Так, например, А. Игнатович оставил описание легенды о лошадях горных бурзянских башкир. Здесь лошади тоже выходят из озера Шульган, все те же эпизоды, но здесь прелюдией рассказа служит не любовь Зая-Туляка к русалке, а завладение человеком собакой по имени Кашкук.

Чубминские башкиры также считали, что лучшая порода их лошадей вышла из озера Акзират и была с белой шерстью.

Интересно здесь отметить, что подобные легенды существовали и у удмуртов. Согласно удмуртской легенде, в реке Вале, впадающей в Кильмезь (приток Вятки), водились крылатые огнедышащие лошади, иногда выходившие на сушу. Если человек успевал бросить в это время в реку железный предмет, то огнедышащий конь не мог вернуться в свою природную стихию, и человек становился его хозяином. Несколько иначе описывал эту легенду удмуртов М. Г. Худяков. Он писал, что река Вала значит «лошадиная река». Здесь по ночам из реки выходил щипать траву красивый конь — белый, с черными крапинками. Когда конь выходил из воды, нужно было бросить в воду железо, и конь уже не мог возвратиться в реку...» (36).

Легенды о выходе лошадей из озера напоминают нам предание отца истории Геродота о том, что в Скифии прекрасные лошади с белой шерстью паслись вокруг озера, из которого вытекала река Гипанис.

Исключительно интересные и разнообразные башкирские легенды о коне достаточно широко известны. Но первоначальные истоки и генетические корни этих

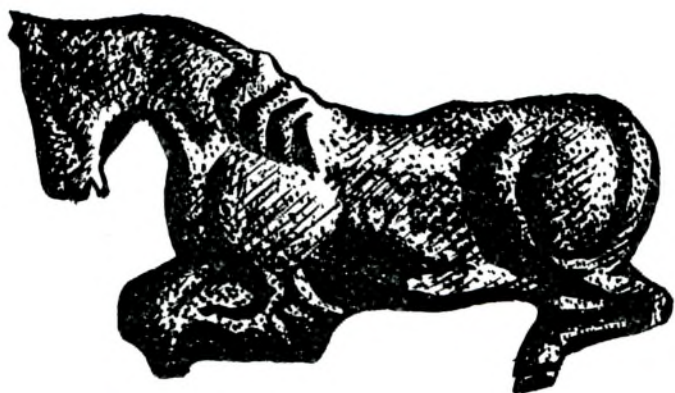

Рис. 70 Бляшка с изображением коня из Хусаиновского кургана

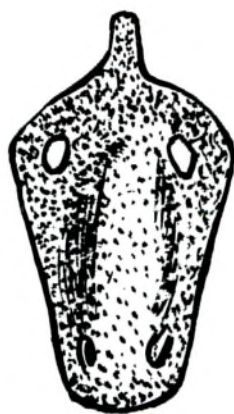
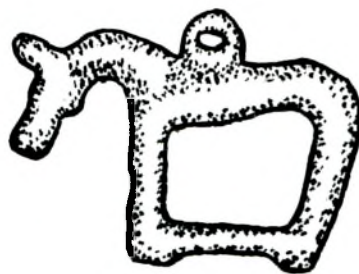

Рис. 71 Бляшка с изображением конской головы из Хусаиновского кургана

Рис. 72, 73 Коньковидные подвески из Бахмутинского могильника

легенд не нашли еще отражения в башкирской литературе. Правда, А. Н. Киреев, один из видных знатоков башкирского фольклора, образ коня связывает с объектом культа, с пережитками тотемизма. Традиция тотемизма в башкирском обществе, пишет он, «была сохранена еще очень долго и после приручения лошадей в первобытном обществе». Однако эта правильная констатация общего порядка не раскрывает связи пережитков культа коня башкир с религиозными традициями древних племен Южного Урала. Для этого необходимо обратиться к археологическим материалам, обнаруженным прежде всего на территории Башкортостана.

Еще в 30-х годах М. Г. Худяков убедительно показал пережитки культа коня в прикладном искусстве и фольклоре народов Прикамья, в том числе у марийцев, удмуртов, чувашей и др. Как известный знаток археологии и творчества народов Прикамья, он установил наличие генетической связи между ними.

Итак, рассмотрим примеры из археологических материалов Башкортостана. Самым характерным, на наш взгляд, являются коньковидные подвески, найденные в Бахмутинском могильнике VI — VII вв. н. э. и Стерлитамакском могильнике VIII — IX вв. (рис. 72, 73). Бляшку в виде стилизованной головки животного, из могильника около Чертова городища близ г. Уфы, В. Гольмстен принимала за конскую головку. Изображения на ременных бляшках Ново-Уфимского и Биктимировского могильников также выполнены в виде конских голов, хотя завершаются они клювами хищных птиц. Такие украшения древности имели большой ареал распространения на обширной территории Волго-Камского бассейна, в особенности часто встречаются они на одеждах племен и народностей угро-финского происхождения.

Оригинальные предметы, связанные с культом коня, найдены в курганах около дер. Хусаиново Абзелиловского района, в юго-восточном Башкортостане. Среди них коньковидные подвески прикамского типа, небольшие фигурки лошади (рис. 70, 71) и, что особенно интересно, бляшки, напоминающие лошадиную головку, впервые встретившиеся среди археологических материалов Башкирии. Следует отметить, что большинство предметов курганных могил дер. Хусаиново, и в том числе керамика, очень близки к предметам прикамских древностей.

За последние годы коньковидные подвески найдены в Сахаевском, Шареевском и Манякском могильниках первого тысячелетия, что свидетельствует о широком распространении этой традиции в среде древних племен Южного Урала.

В кургане на берегу озера Синеглазово в Башкирском Зауралье найдены остатки шелковой ткани с изображением гарцующих всадников.

В кургане возле села Ишимбаево Салаватского района обнаружено седло, украшенное серебряными пластинками с изображением животных. На одной из найденных пластинок изображены два дерущихся коня. Исследователь этих курганов археолог Н. А. Мажитов отмечает, что, разглядывая эту сцену, неволь-

но вспоминаешь образ крылатого коня из башкирского народного эпоса «Акбузат», в котором описывается, что, когда идет борьба между двумя батырами, в схватку вступают между собой и их кони, и борьба заканчивается победой одного из них. Все вышеперечисленные могильники VIII — IX вв. н. э. Н. А. Мажитов считает раннебашкирскими.

Разнообразные коньковидные подвески и всадники на коне найдены в могильниках пьяноборского времени. Как отмечал А. П. Смирнов, изображение коня в своей основе восходит к более ранним тотемическим представлениям, а в ананьинскую эпоху оно уже стало пережиточным явлением.

О культовом значении коня наглядно можно получить представление по материалам иконографии подчеремского клада. В. А. Городцов отмечал, что «коньки подчеремского клада — предметы солнечного культа» (32).

В савромато-сарматских курганах Южного Башкортостана найдены своеобразные гребешки и другие предметы с конскими головками.

Не может быть случайностью и такой факт, что во многих древних могильниках первого тысячелетия обнаружены части конского скелета или даже целые конские захоронения. Так, в большинстве могил Бирского и Бахмутинского могильников III — VII вв. обнаружены кости лошадей. В одном из погребений Бирского могильника (№ 98) обнаружено ритуальное захоронение конечностей лошади. В погребальном обряде Уфимского могильника V — VII вв. н. э., Стерлитамакского могильника VIII — IX вв. н. э. наряду с другими предметами также часто встречаются конские скелеты. В курганных погребениях около дер. Старое Мусино Кармаскалинского района найдены лошадиные черепа и части ноги. В кургане около села Мрясимова Караидельского района обнаружено захоронение лошади со всеми сбруями и седлом. В Старо-Халиловском и Каранаевских курганах, в северо-восточном Башкортостане, найдены черепа, шкуры и ноги лошадей — остатки ритуальных захоронений в честь покойников. Автор этих раскопок Н. А. Мажитов отмечает, что ранние башкиры не представляли себя без коня, который должен был сопровождать их и в загробный мир. Для нашей темы важно отметить, что мнение башкирского археолога полностью совпадает с мнением башкирского этнографа-фольклориста в этом вопросе. Один из знатоков башкирского фольклора М. Х. Мингажетдинов пишет, что в древние времена у башкир существовал такой обычай: чтобы могила погибшего батыра стала святым местом, на ней закалывался конь (44).

Кроме того, надо учитывать, что почти все мужские погребения, изредка и женские, первого тысячелетия сопровождалось принадлежностями конской сбруи: стременами, удилами, бубенчиками, пряжками и бляшками. В некоторых погребениях встречаются и конские седла. Особенно богаты конскими сбруями погребения Стерлитамакского могильника. Здесь были захоронены конные воины со своим оружием: саблями, боевыми топорами, копьями и луками.

В курганах Башкирского Зауралья VIII — IX вв. также обнаружены многочисленные стремена, удила и другие предметы конской сбруи. По определению А. В. Шмидта, эти памятники относятся к конным и воинским племенам. Впрочем, роль лошади была велика не только на Южном Урале, но и в более северных районах Приуралья. В связи с этим интересно высказывание В. А. Оборина об археологических комплексах ломаватской культуры. По его словам, в хозяйстве племен этой культуры основную роль играло скотоводство и среди домашних животных в это время явно преобладала лошадь.

Очевидно, существовала взаимосвязь между хозяйством и представлением населения Прикамья о верховном божестве как о мужчине-охотнике и воине, который чаще всего изображался в виде всадника, окруженного зверями.

Самый поздний археологический комплекс, связанный с культом коня, обнаружен в Хантыйском могильнике Халас-Погор на Оби. Здесь в погребениях XVII — XVIII вв. найдены круглые бляхи и подвески с изображением кентавров и всадников на коне, которые, по-видимому, связаны с мифическим божеством хантов мир-суснэ-хума, объезжавшего землю на белом коне.

Материалы этого могильника нас интересуют прежде всего тем, что они имеют близкую аналогию с материалами ломаватской и бахмутинской культур и подтверждают мнения об угорской принадлежности последних. Нельзя не заметить, что хантыйское божество

на белом коне почти аналогично солярному божеству язычников чувашей и мари бывшей Уфимской губернии, которое, по их представлению, ездило каждую весну и летом верхом на белом коне, но со скрипкой и смычком в руках.

Таков неполный перечень фольклорно-этнографических и археологических материалов, связанных с пережитками культа коня у башкир. Если говорить словами ведущего фольклориста Башкортостана А. Н. Киреева, «следы мифического обожествления образа коня можно встретить и в сказках, в которых конь изображается то в виде крылатой птицы (тулпар), то в виде всемогущего, верного помощника-ясновидца (буз-тулпар), то в образе мифического существа, одаренного сверхъестественной силой, с помощью которой можно одолеть любые преграды и добыть разные сокровища (Акбузат) и т. д.».

Вышесказанное хотя и относится к народному творчеству башкир прошлых веков, но представляет значительный историко-этнографический интерес и проливает свет на малоосвещенные вопросы генезиса народного творчества башкир. Подтверждается свидетельство Ибн-Фадлана, который в 922 году зафиксировал в своих записях наличие культа коня среди башкирских племен.

К сожалению, коневодство как традиционное дело в жизни башкир в последние десятилетия утратило свое былое значение. Но в настоящее время имеются все предпосылки и возможности для возрождения былой славы башкирского коневодства.

VII. Некоторые параллели в сфере производства и формах орудий труда башкир и древних племен края

Настоящая работа посвящена в основном историческим истокам отдельных видов прикладного искусства башкирского народа. Археологические памятники Южного Приуралья свидетельствуют о богатой материальной и духовной культуре предков башкирского народа, наследником которых он является. Южный Урал насыщен уникальными памятниками, которые поражают умы и воображение ученых. Можно полагать, что материальная жизнь предков башкир в древности была значительно лучше, чем положение соседних народов и племен. Разнообразные природные богатства и речные дороги позволили башкирам и их предкам вести торгово-обменные операции с южными и юго-восточными народами. Они имели дружественные связи с хазарами и волжскими булгарами, а также с народами Средней Азии. С незапамятных времен основным занятием башкирского населения являлось скотоводство, но в отдельных регионах с древнейших времен существовала здесь и земледельческая культура, сыгравшая со временем ведущую роль в хозяйственной жизни края.

Башкиры добывали железную, медную руду и золото, владели секретами литейного дела, кузнечного ремесла и ювелирного искусства.

О залежах железных, медных руд и золота в недрах Южного Урала было известно еще древним племенам. Разнообразные предметы из меди и железа, золотые и серебряные украшения, ювелирные изделия, найденные при археологических раскопках, изготавливались из местного металла местными мастерами.

Об этом свидетельствуют клады бронзовых орудий, найденные около села Ново-Ибракаево в Стерлибашевском районе, у Долгой горы близ г. Стерлитамака, в Баймакском районе (13 шт. бронзовых серпов), у Лазаревого озера близ г. Уфы, в кургане близ г. Бирска, на берегу р. Куганак в Стерлитамакском районе.

Кроме того, в Башкортостане найдены большие и малые слитки, состоящие из меди, серебра и золота. В частности, в Калчир-Табынской волости Стерлитамакского уезда, во дворе башкира Мухаметгалина в 1907 г. найден большой слиток весом 1,5 пуда из смеси драгоценных металлов. Такие же слитки в прошлом столетии были найдены в Белебеевском и в Уфимском уездах (55).

Мне лично известен случай, когда рабочий мостостроя нашел уже в наше время бронзовый слиток на берегу р. Агидели и сдал его в Республиканский краеведческий музей.

Очень интересные данные о древних уральских медных разработках сообщают путешественники XVIII в. П. С. Паллас и И. И. Лепехин (56,5).

В частности, академик И. И. Лепехин в своих дневниковых записях отмечал наличие копи (шахты) вблизи Кананикольского завода в Бурзянской башкир-

ской волости для извлечения медных руд. Такие же древние чудские рудники, по его словам, выявлены в регионе Белорецкого завода (5. С. 189).

Интересные данные о древних рудниках Южного Урала мы узнаем и из сообщений И. А. Кастанье и Д. Н. Соколова.

Так, например, Кастанье писал о Каргалинских рудниках на башкирских дачах Сеитовского посада (Каргалы) и казаков Сакмарской станицы, где, по его словам, сохранились сводообразные коридоры (шахты) для добычи черной меди или окиси этого металла (57).

Д. Н. Соколов сообщает о рудниках и воронках чудских копей на левом берегу р. Бердянки, где сохранились входы в рудники в виде вертикальных стен со сводчатыми верхами. Далее он пишет, что на правом берегу р. Бердянки, притока р. Урал, на песчаном поле Карантина, встречается множество наконечников стрел... (58. С. 79).

Таким образом, на обширных просторах Южного Урала сохранились следы древней металлургии, приписываемые каким-то чудским племенам (чудь). Но что означал чудь в смысле этнической категории? Этот вопрос оставался нераскрытым, можно сказать, безответным.

Археологическая наука в настоящее время позволяет сказать, что творцами и создателями древней металлургии являлись предки башкирского народа — угро-финны и сармато-аланы, которые тысячи лет жили на обширных просторах Южного Приуралья.

Кстати, отметим, что никто не может утверждать об этнической монолитности сармато-аланов в древности. Вероятнее всего, этнический состав сарматов, как утверждает лингвист В. И. Абаев, был неоднородным и в него входили, по нашему мнению, предки современных башкир со специфическим их наречием.

Если так, то древние башкирские племена являются одними из зачинателей древней металлургии на Урале.

Что касается черной металлургии, то она также своим происхождением связана с деятельностью древних племен Приуралья.

Достаточно перечислить часть железных предметов, найденных в памятниках бахмутинской, уфимско-турбаслинской культур и Стерлитамакского могильника IV — IX вв. н. э., чтобы убедиться в этом. Железные топоры, пещни, кельты, ножи, стрелы, удила, пряжки, мечи, сабли, копья, стрелы и другие предметы, найденные здесь, говорят сами за себя. А ведь железные предметы появились на Урале уже в VII в. до н. э. Сколько их найдено в курганах сарматских времен и в памятниках ананьинского времени?

Несомненно, все эти вещи сделаны из местного сырья, местного литья и местными мастерами железных дел. К сожалению, следы древней металлургии в пределах Башкортостана еще в достаточной мере археологами не изучены. Остатки железного производства, обломки плавильной печи с многочисленными шлаками сохранились в Аургазинском районе. Можно полагать, что железолитейные заводы Урала XVII —

XVIII вв. построены не на пустом месте, а в тех местах, где были следы так называемых чудских копей и разработки металла в древности.

Ведь уже в середине XVII в., если не раньше, русские люди были осведомлены через башкир о наличии таких объектов на Урале (см.: «Известия Императорского археологического общества». 1865 г. Т. V. Вып. I).

Следует еще кратко сказать о добыче золота и о мастерах золотых дел, т. к. при археологических раскопках здесь найдены многочисленные золотые и позолоченные предметы.

Добыча золота в древности производилась, очевидно, открытым способом, при помощи промывания золотоносных песков и гравия на берегах водоемов, который применяется в настоящее время. В связи с этим вспомним песню о девушках-башкирках, работающих на золотомойке:

Күк Ирәндәк буйында,
Алтын йыйыу эшендә
башкорт кызлары.

Не случайно некоторые реки Башкортостана носят названия, в переводе с фарси означающие «золотоносные», как, например, Зирган, Зигян. К тому же в башкирском языке существует древнее слово *зәр* (золото).

Ошибаются те, которые полагают, что сложные и оригинальные золотые изделия башкир представляют собой якобы привозную продукцию из стран Востока. Это противоречит логике вещей. Получается, что башкиры добывали золото, серебро, железо, но не могли их использовать, изготавливать украшения, ювелирные изделия.

Ради объективности необходимо сказать, что золотые и серебряные предметы, найденные археологами, выполнены в основном мастерами племен и народов, которые проживали на Южном Урале.

Выше было сказано, в разделе первом, что в г. Уфе, в одном из погребений VII в., найдены золотые колты, медальоны, брошки, бляшки, подвески удивительной красоты, т. е. шедевры творчества древних мастеров.

В связи с этим мне вспоминается разговор об этих вещах с известным археологом и специалистом по искусству древности А. К. Амброзом, который во время пребывания в г. Уфе посетил краеведческий музей. Внимательно осмотрев эти уникальные предметы, он однозначно сказал, что они выполнены местными, как он выразился, «варварскими» мастерами, по заказу социальной верхушки. Я тоже полагаю, что это правильное определение. Ведь эти оригинальные предметы древности по форме, по стилю работы, по деталям орнамента удивительно однотипны с медальонами, бляшками, которые украшают наряды башкирских женщин — *селтәр, һакал, сәскап, хәсикә*.

Если внимательно посмотреть на орнаментацию головных уборов женщин — *кашмау* и украшения женских нарядов — *селтәр, һакал, сәскап*, то поражаешься изяществу, тонкости и сложности их орнамента, выполненной с применением бисера, бус,

бляшек и медальонов. Сколько в них вложено труда и творческих мыслей!

Да, башкирские мастера-ювелиры так же могли творить чудеса в искусстве, как и их древние предки.

Но теперь, завершая речь о золотых и серебряных предметах, обратимся к документальным источникам, которые отражают роль башкирского народа в развитии цветной металлургии на Южном Урале.

Об этом, в частности, свидетельствует послание чиновников уфимской канцелярии московскому царю. «Алексею Михайловичу в 178 (1670) сообщили: ... что от башкирцев уведомился, в Уфимском-де дистрикте за каменными горами при устьях рек Уфы, Гадая и Яика, в горах безчисленное сокровище золотых и серебряных руд обретається...»

Далее говорится:

«... башкирцы из горы добывают золотую и серебряную руду, и из оной выплавляют золото и серебро, и тайным образом продают русскому народу по 12 рублей за пуд...» (59).

Все эти данные позволяют сделать вывод о том, что русские люди, прежде чем начать строительство медеплавильных и чугунолитейных заводов на Урале, старательно и внимательно изучали следы и очаги древней металлургии на Урале, интересовались способом добычи руд, методами литейного дела в древности.

Значит, труд древних металлургов не пропал в истории бесследно, а служил исходной точкой для освоения несметных сокровищ и богатств Урала в XVII — XVIII вв., но уже в новых условиях — более организованно, в государственном масштабе.

В этом немалая заслуга башкирского народа, т. к. именно он является продолжателем дела предков до появления русских по добыче руд и производства металла на Урале. Башкиры служили как бы связующим звеном между древностью и новой эрой.

А с начала XVIII в. из башкир выдвинулись выдающиеся специалисты и организаторы горнодобывающей промышленности на Урале. Так, например, Исмаил Тасимов с товарищами имел десятки рудников и обеспечивал медной рудой многие металлургические заводы Урала. Исмаил обладал редким даром ума и по его инициативе и на его средства Екатерина II открыла в Санкт-Петербурге горное училище (ныне это Горный институт).

Все эти данные позволяют нам утверждать, что башкиры являлись зачинателями горного дела на Урале.

Но в жизни башкир кроме главных видов хозяйства — скотоводства, земледелия и горнорудного дела — огромную роль играли охота, бортничество и рыболовство.

В связи с этим заслуживает внимания документальный источник, связанный с рыболовством башкир прошлых веков. В частности, в челобитной башкир-рыбаков, датированной 1652 годом, говорится, что русские люди «...взяли от стану тридцать четыре воза рыбы, всякие неводные и муты, и дуги, и возжи, да двенадцать шуб овчинных, двенадцать зипунов (кафтаны), двенадцать опоясок (ремней), с ножами и ножнами и мусаты, восемь садаков (колчанов) с луками и стрелами, один садак был оправлен серебром,

Рис. 74 Башкирский всадник

двенадцать шанок, двенадцать топоров, три пешни, восемнадцать сажень неводу (невод) нового, шесть долов, две скобели, двенадцать епанич (?), двадцать четыре сумы (сумки), двенадцать пар рукавиц ...»*

Как видно из источника, башкиры-рыбаки в то отдаленное время достаточно хорошо были обеспечены всем необходимым снаряжением для рыбной ловли и для насущной жизни. Что особенно интересно, ловлю рыбы они осуществляли на артельных (коллективных) началах и в достаточно больших размерах, быть может, для обменно-торговых операций. Но в данном случае нас интересуют орудия труда башкир XVII в., перечисленные в документе, как сравнительные с древностью материалы. Так, например, в комплексе материалов Бахмутинского, Уфимского, Стерлитамакского могильников VII — IX вв. найдены почти все виды вооружения и предметы труда, перечисленные в челобитной башкир 1652 г.

Главным оружием башкир вплоть до XIX в. служили луки со стрелами и копья (рис. 74). Налучники и колчаны башкиры изготавливали сами из кожи, ук-

* Документ хранится в фондах Стерлитамакского краеведческого музея, в расшифровке М. И. Касьянова. Некоторые слова написаны неразборчиво и неопытно.

рашали их серебряными накладками и бляхами с орнаментом, выполненным гравировкой и чернением. Кроме того, на вооружении башкир были сабли, кистени, защитные латы, щиты и кольчуги, которые встречаются, хотя и редко, при раскопках древних памятников. Правда, башкиры уже в XVII в. имели «...огненное ружье, пищали, турки и панцырники» (60).

Кистень — это старинное оружие, состоящее из короткой палки, к концу которой подвешен на ремне или цепочке металлический шарик. Башкирские кистени можно сопоставить с каменными или из кости мамонта булавами, бытовавшими в древности (рис. 75, 76, 77).

С такими инструментами башкиры верхом на лошадах охотились на волков и лисиц.

Из орудий земледелия и сенокосения нас интересуют прежде всего башкирские косы-горбушки. Об употреблении косы-горбушки башкирами в свое время писали почти все исследователи XVIII — XIX вв. Коса-горбушка применялась во всех районах края, как в северных, так и в южных. Наиболее ранней аналогией для башкирской косы-горбушки могут служить косы или серпы, как их называет Н. А. Мажитов, Каратамакского могильника III — IV вв. н. э. Подобные косы обнаружены на Дондыкарском городище в Удмуртии и на городище Ош-Пандо в Мордовии. Поздний вариант косы-горбушки найден около дер. Хозятово в Чишминском районе Башкортостана, датируемой с комплексом вещей XIII — XIV вв. н. э.

Прототипами косы-горбушки могли служить серпы бронзового века, с крюкастыми концами со стороны ручек, найденные в нескольких районах края.

В археологических комплексах в середине первого тысячелетия нашей эры часто встречаются железные пешни и кельты. Они найдены в Бахмутинском, Бирском и Охлебининском могильниках (рис. 78). Эти орудия труда, очевидно, предназначались для обработки дерева. В недалеком прошлом у каждого башкира были такие же железные долота, пешни и тесаки. В горно-лесных районах ими выдалбливали дупло для пчел в борти; кроме того, они применялись для изготовления корыт или при долблении лодок. Да и при сооружении хозяйственной постройки не могли обойтись без таких инструментов.

Некоторые исследователи полагают, что пешни и кельты в древности применялись в качестве мотыги для разрыхления земли, при корчевке деревьев, или в качестве ударного инструмента рыболова при ломке льда в зимнее время. Последнее предположение вполне вероятно, т. к. в челобитной башкир-рыбаков в числе других предметов перечисляются долота и пешни. Если учесть, что у пострадавших башкир были теплые шубы, то, можно полагать, рыболовством они занимались поздней осенью.

Немалый интерес представляют башкирские ножи в деревянных ножнах (рис. 79). Было время, когда все взрослые башкиры такие ножи носили на ремнях у пояса, в деревянном футляре, как горцы Кавказа. Эти башкирские ножи, большие и малые, являются как бы повторением ножей в деревянных ножнах, которые

Рис. 75 Костяная булава

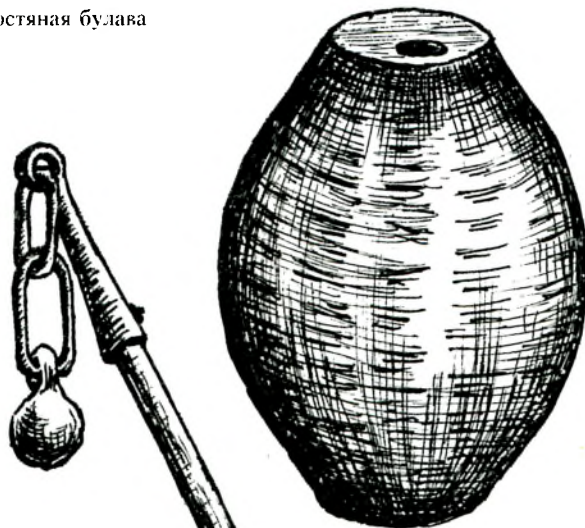

Рис. 76 Кистень башкирский

Рис. 77 Каменная булава

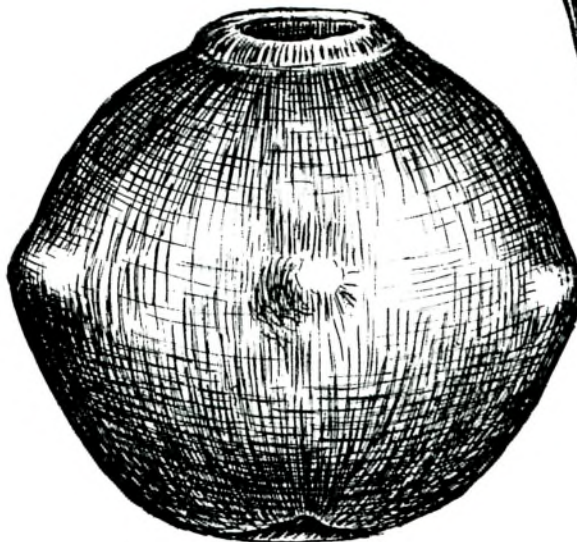
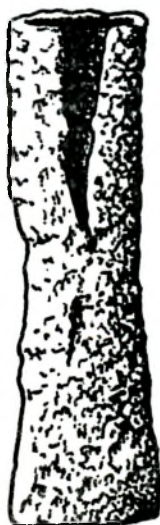

Рис. 78 Железная пешня из Бахмутинского могильника

Рис. 79 Нож башкирский в деревянных ножнах

Рис. 80 Боевой башкирский топор XVI в.

Рис. 81 Костяной инструмент для выделки кожи из городища Курмангау

так часто встречаются в могильниках бахмутинской и уфимско-турбаслинской культур.

Башкирские боевые топоры с серебряными или бронзовыми инкрустациями (рис. 80) напоминают боевые топоры волжских булгар и, отчасти, топоры кобанской культуры Северного Кавказа. Аналогичны с ними и боевые топоры Стерлитамакского могильника, но с прямыми лезвиями и отсеченными бородками.

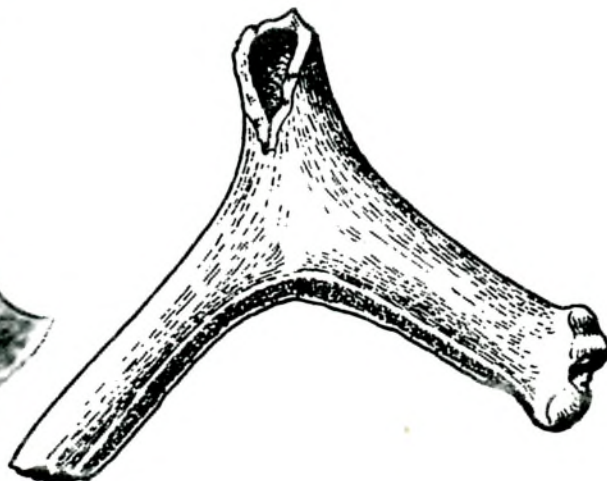
Ножны меча, найденные в одном из уфимских погребений, покрыты с лицевой стороны золотистой пластинкой с чешуйчатым орнаментом. Такой же тип ножен был найден и в Стерлитамакском могильнике. Близкую аналогию к ним имеют ножны некоторых башкирских сабель с золотистой или серебристой поверхностью, с орнаментальными узорами. Мы полагаем, и в данном примере имеется преемственность между башкирской и древней орнаментацией.

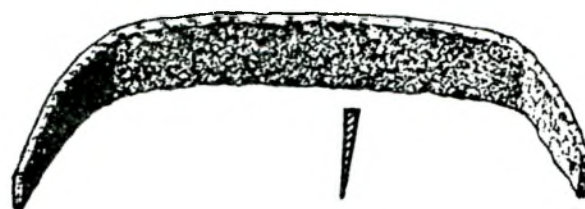
На белских городищах кара-абызского времени часто встречаются вилообразные предметы, сделанные из рогов оленя или лося (рис. 81). С внутренней стороны они специально отточены и напоминают лезвие серпа. Их поверхность в результате употребления как бы отшлифована. Назначение этих интересных предметов, которые встречаются исключительно среди археологических комплексов Башкортостана, не сразу было определено. В настоящее время уверенно можно сказать, что он служил инструментом для выделки кожи, т. к. у башкир имеется инструмент — *кыргы* (скребок), который по форме удивительно схож с этим предметом древности (рис. 82). Различие между ними только в том, что первый сделан из кости, а второй из дерева, причем между развилин последнего вставлена железная пластинка, заостренная в виде ножа. В преемственности между этими двумя предметами нет никакого сомнения.

Как было сказано выше, башкиры отличались искусством изготовления различных деревянных изделий. В связи с этим интересно сопоставить некоторые инструменты башкир для обработки дерева с археологическими находками такого же назначения.

Так, например, башкирский инструмент *юнгы-йышкы* (строгал) в точности похож на подобный ин-

Рис. 82 Инструмент башкир для выделки кожи

струмент, найденный (в комплексе вещей II — III вв. н. э.) в Бирском могильнике (рис. 83, 84).

Башкирский инструмент скобель также имеет типичную аналогию с предметами из Бирского могильника (рис. 85, 86).

Некоторые люди могут нам сказать, что подобные инструменты встречаются везде и всюду. Но если даже так, мы обязаны прежде всего обратиться к местным аналогиям, а не прибегать к отдаленным от нашего края примерам. Явления мы изучаем не абстрактно, а в конкретной обстановке и в определенном пространстве и времени.

В заключение еще раз подчеркнем, что сравнительный анализ археологических и этнографических материалов показывает взаимосвязь между декоративным искусством древних племен Южного Приуралья и башкирского народа. В этой работе мы постарались показать лишь самые характерные и типичные примеры из области прикладного искусства, которые по сюжетам и формам раскрывают нашу тему. Но в то же время необходимо отметить, что между аналогичными видами искусства древних племен и башкир не может быть абсолютного тождества, т. к. их отделяет тысячелетнее расстояние. Народное творчество во всех его видах проявления в течение веков развивалось и обогащалось благодаря контактам между народами. Поэтому мы можем говорить о преемственности и связях культур в истории народов, но не отождествляя их до абсурдности.

При всем этом мы должны знать не только исторические истоки своего народа, но и исторические истоки его культуры.

История башкирского народа была тернистой, а порой трагической. Несмотря на тяжелые испытания в своей судьбе башкирский народ сумел сохранить себя, сумел сохранить свои многовековые традиции, творческий потенциал и жизненный оптимизм.

Историческая преемственность между поколениями людей существовала как объективный процесс развития человечества. Были спады, скачки, крутые повороты, зигзаги в истории, но никакие силы, препятствия, преграды реакции не могли остановить наступательного движения истории, которая шла на основе преемственности труда, опыта жизни, знания, культуры, искусства, народного творчества. Поэтому задача историков, их призвание и долг — не только зафиксировать и констатировать прошлое и настоящее, но и изучать и показать взаимосвязи прошлого, настоящего и будущего.

Мы надеемся, что предлагаемая нами работа послужит прологом для более широкого изучения богатой и уникальной истории декоративно-прикладного искусства башкирского народа.

Рис. 83 Башкирский строгал

Рис. 84 Строгал из Бирского могильника

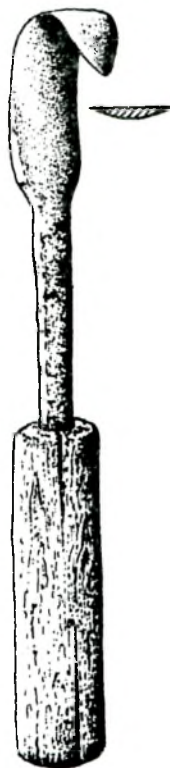

Рис. 85 Скобель башкирский

Рис. 86 Скобель из Бирского могильника

VIII. Вопросы этногенеза башкир*

Мы уже говорили, что истоки прикладного искусства башкир связаны с их древними предками, в том числе с сармато-аланами. Это, разумеется, не случайное явление. Но при освещении этногенеза башкир обычно указывают на ведущую роль древнетюркских племен и совершенно упускают из виду значение сармато-аланского пласта в сложном формировании башкирского народа. Однако в трудах археологов Б. Н. Гракова, К. Ф. Смирнова, К. В. Сальникова, М. Г. Мошковой, М. Х. Садыковой, А. Х. Пшеничной и др. неопровержимо доказано существование богатой сармато-аланской культуры на обширных просторах Южного Приуралья. Но при этом необходимо учитывать, что сармато-аланы тоже были неоднородны по этническому составу. В своих работах об уфимских погребениях V—VII вв. н. э. и о Стерлитамакском могильнике VIII—IX вв. н. э. мы также указывали на значительную роль потомков сармато-алан в сложении этих древних культур. Известный археолог и этнограф С. И. Руденко писал: «Этнически я считаю допустимым связывать древних башкир с тиссагитами Геродота для северо-западной территории Башкортостана и с савроматами и иирками для южной и восточной территории»**.

О роли сармато-алан в этнической истории Южного Приуралья говорят и топонимические памятники. Так, например, большая река в Башкортостане Ашкадар, вероятно, означает «алан река». Ас-Аш—это племенное название алан в древности, дар-дарья на фарсидском языке—река или большой поток воды. Левый приток реки Ашкадар в ее верховьях носит название Сермет. *Сармат и Сермет*—случайно ли такое близкое сходство терминов?

По мнению А. К. Матвеева, названия рек юго-западного Башкортостана Ря, Рязь, Реват, Рязук, Ряс-ток связаны с иранским языком. К этим топонимам можно добавить названия рек Ряря, Ревля, Ремяшь и т. д. Гидронимы Зирган, Зиган в южном Башкортостане также, вероятно, связаны с иранским языком. На языке ираноязычных народов ZIRNI—золото. Зирган—значит золотоносная река. В бытности учителем в том районе я узнал от местных жителей, что в зобу уток и гусей, плавающих на реке Зирган, иногда встречаются золотые крупы.

Наименование Малой и Большой рек Узала в Хайбуллинском районе близко к осетинскому слову «узал» (холодный), что и подтверждается характером воды объекта.

Название реки Сакмар в юго-восточном Башкортостане некоторые исследователи связывают с именем древних племен «саков».

* Настоящая глава является частью большой работы, которая написана мною много лет назад, но опубликована была лишь в сокращенном варианте на страницах газеты «Истоки» (1993 г., №№ 4, 5).

** Ссылки на источники в конце работы.

В Абзелиловском, Бурзянском, Баймакском, Белорецком и Учалинском районах восточного и юго-восточного Башкортостана некоторые селения носят названия Аскар или Ассы, что можно расшифровать как алан-человек (Ас-алан, Ар (эр)—человек, мужчина).

О сармато-аланском пласте в башкирском этносе говорят и данные языка. Известный языковед-тюрколог Н. К. Дмитриев, говоря об особенностях башкирского языка, писал: «Как можно понимать существование в этом языке *h* вместо *c* (*нат* вместо *сат*), *c* вместо *ч*, наличие *з* и *с*? Нельзя ли усмотреть в этом влияние иносистемных языков?..» Далее он поставил вопрос: не является ли башкирский язык смешанным, не лежит ли в его основе какой-либо другой язык? И здесь указал, что у иранцев встречается *h* вместо *c*. Известный башкирский языковед Дж. Г. Киекбаев также отметил, что произношение звуков *h*, *з*, *с* в башкирском языке связано с влиянием иранского языка. Другой языковед, Н. Д. Гарипова, пишет, что «...еще до принятия мусульманства в верованиях башкир злые духи назывались словами иранского происхождения. Персидские имена собственные,— пишет она,— также могли быть восприняты башкирами до ислама». Но истоки иранизма в словарном составе башкирского языка Н. Д. Гарипова считает «почти загадочными».

Между тем появление иранизмов в словарном составе угро-финских народов Прикамья и Приуралья языковед В. И. Лыткин связывает не только с сармато-аланами, но и с племенами срубной культуры бронзового века. Следы иранизма присутствуют даже в разговорной речи русского населения южных областей России. Об этом В. И. Абаев пишет, что *ареал фонемы у (h) в славянском языке совпадает с ареалом скифо-сарматской топонимики и памятников скифо-сарматской культуры*. «Это обстоятельство заставляет думать,— пишет он,— что фонемы у (*h*) в славянском языке есть вклад скифо-сарматской речи, которой искони была присуща эта фонема».

Известный русский историк В. Н. Татищев, который имел непосредственный контакт с башкирами в середине XVIII в., писал, что «...их язык (башкир) хотя по принятию магометанства более за татарский употребляют, *но так с древним их сарматским смешан, что другие татары с трудом разумеют могут*». Действительно, язык башкир в середине XVIII в. и тем более в древние времена не был таким, как сегодня.

Возникает вопрос: какие племена из башкир являются наиболее вероятными носителями сармато-аланских черт? Обратимся к документальным источникам. Башкирский ученый и просветитель прошлого столетия Мухамметсалим Уметбаев, анализируя башкирскую родословную летопись (*шажэрэ*) «Акташ-хан» установил, что *племя алан—Борьян известно на южном Урале в времен Александра Македонского*. Значит, документальный источник — *шажэрэ* — свидетельствует о значительной роли аланцев в этническом составе башкирского племени Борьян. К тому же надо иметь в виду, что *племенное название Бурджан-Борьян связано с иранским языком*. Географическое расположение племени Борьян можно представить по записям аль-Омари, где говорится, что «...жители её

(этой страны) — множество борджан, *живущих на севере*. Об их жизни не имеется сведений из-за отдаленности их страны». Северное расположение Борьян подтверждается также в сочинении Закарийя Казвини, который писал: «*Бурджан — широкая область в северной стороне*».

В башкирских легендах род Борьян (Бурзян) всегда связан с Уралом, один его подрод происходит от медведя, а бурзянские кони являются потомками подарка владыки озера Шульган.

Выяснение древних мест обитания бурзянцев и их племенной принадлежности нам важны потому, во-первых, что *они являлись одним из коренных башкирских племен*, как отмечал С. И. Руденко, и, во-вторых, потому, что они, по мнению этнографов, в антропологическом отношении, наряду с усергянами, считаются самыми типичными и, в-третьих, потому, что не исключена возможность, что именно бурзянцы являлись первоначальными носителями этнонима «башкорт».

О наличии сармато-аланского пласта в башкирском этносе говорят и другие исторические источники. С. П. Толстов и С. Г. Кляшторный, ссылаясь на древнекитайские и древнетюркские источники, пишут, что в начале нашей эры северными соседями аланов были «*лесные племена Янь*», обложенные Кангюем данью пушниной. Причем отмечается, что эти племена, по-видимому, *жили в районах «лесного Приуралья»*. В данном случае речь может идти о коренных башкирских племенах Южного Приуралья — *Борьян, Тамьян, Усергян*. Языковед Дж. Г. Киекбаев по этому поводу писал, что племена Борьян и Тамьян жили в соседстве на территории современных Бурзянского, Баймакского и Абзелиловского районов Башкортостана. *Это были те же племена «...Ян (Янь),— писал он,— которые, по мнению С. П. Толстова, обитали в начале нашей эры в Приуралье и были подчинены Кангуйским (Хорезмийским) государством; от племени Янь в Кангуй поступала пушнина»*.

Мнения С. П. Толстова, С. Г. Кляшторного и Дж. Г. Киекбаева подтверждаются ещё тем интересным фактом, что *Бурзян-Елга означает, оказывает, реку белых Янов*.

К этнонимам с характерным окончанием на *ан-ян*, кроме перечисленных, можно отнести также башкирские родо-племенные группы *Дуван и Уран*.

Иранскую языковую основу, возможно, имеет и этноним Юрматы. Некоторые языковеды и этнографы отмечают этимологическое сходство между этническими терминами Сармат и Юрмат. Так, в частности, полагают языковеды Ф. И. Гордеев и К. И. Петров. Этноним Юрматы встречается в составе племен и угров-мадьяр. У последних он был зафиксирован византийским императором Константином Багрянородным. Этнический состав угров-мадьяр, как и башкир, был сложным и разнородным.

На основе широкого и всестороннего обследования восемнадцати юрматинских сёл, путем опросов и бесед со старожилами, а также в результате изучения всевозможных источников и документов, известный башкирский краевед-историк С. Мрясов пришел к вы-

воду, что юрматинцы были древнейшими обитателями Стерлитамакского кантона.

Да и из легенд видно, что история племени Юрматы связана с лесными промыслами, охотой, пчеловодством в долинах рек Агидели и Ашкадара. Кстати отметим, что почти во всех жанрах башкирского фольклора действие происходит в основном в той географической среде, где в настоящее время живут башкиры; во всех случаях действия связаны с Уралом, реками и озерами, лесами и животными, которые характерны для современного Башкортостана.

Если учесть, что юрматинские поселения расположены как раз в тех местах, где сосредоточены сармато-аланские курганы, то вполне закономерным представляется этимологическое совпадение между этническими терминами — сармат и юрмат (юрматы).

Итак, мы можем констатировать: археологические памятники, исторические источники, этнография, топонимика, языкознание подтверждают, что в этногенезе башкирского народа значительную роль сыграли древне-сармато-аланские племена. Это необходимо учитывать и при исследовании семантики этнонима «башкорт».

Первые исторические сведения об этнониме «башкорт»

Имя башкирского народа одно из самых древних имен в среде тюркоязычных народов России. Этноним «башкорт» синхронен с этнонимами славянских народов. Отсюда можно сделать вывод, что башкиры являются одним из древнейших народов в составе России. В задачу настоящей работы не входит подробный разбор вопросов этногенеза башкир. Отметим лишь, что ни об этногенезе башкир, ни об этнониме их до сих пор нет единого мнения.

Наше мнение по этому вопросу было высказано в статье об этногенезе башкир по археологическим данным и в работе о месте уфимских погребений IV—VII вв. н. э. в древней истории Башкортостана. Мы считаем, что тысячи археологических памятников Южного Урала, относящихся к раннему и позднему железным векам, не говоря уже о более ранних памятниках, убедительно показывают, что этническое ядро башкирского народа сложилось не где-нибудь, а на Южном Урале. *Исследования последних лет указывают на генетическую связь между прикладным искусством древних племен и башкир: башкирское народное творчество также связано с древностями нашего края.*

Разумеется, никто не может отрицать факт миграции племен тюркского происхождения на Южный Урал и участие их в этногенезе башкир. Но этот процесс происходит не одним потоком, а продолжался волнами начиная с гуннских времен. Это было не переселение целого народа под своим именем, а инфильтрация отдельных родо-племенных групп, которые шли с юга или юго-востока в среду коренных, местных племен Южного Приуралья.

С. И. Руденко отмечал, что переселенцы по своему составу были немногочисленны и ассимилировались коренным населением этого края.

По нашему мнению, башкиры как народ не переселились откуда-либо, а сформировались как народ на Южном Урале в результате очень сложного и длительного исторического развития местных, коренных племен, в процессе контактов и скрещивания их с пришлыми племенами тюркского происхождения.

С этногенезом народа тесно связан и его этноним. Немаловажное значение имеет при этом время и место (географическая среда) появления этнонима.

Известный археолог-историк М. И. Артамонов племенную группу «*бутики или бушки*», которые по преданию древней «Армянской географии» летовали в конце VII века вместе с хазарами на берегу реки Итиль (Агидель), считал непременно башкирами. Вполне вероятно, что так именно и было.

Для нас наибольший интерес представляет информация посла-переводчика Саляма Торджемана арабскому халифу Васык-Биллю (842—846 гг.), по поручению которого он предпринял длительное путешествие на Кавказ, в районы Поволжья и Южного Приуралья. Нас интересуют из этого отрывочного источника те места, где упоминается о башкирах. Салям сообщает халифу, что после Армении и Грузии экспедиция отправилась к аланам, хазарам, а затем «...отдохнувши в резиденции этого государя (хазар) 24 часа, мы продолжали путь, — пишет он, — с пятью опытными проводниками, которых позаботился дать нам филаншах и которые довели нас *через 27 дней до пределов страны башкир*».

Здесь не может быть никакого сомнения в том, что после аланов и хазар, т. е. из районов Северного Кавказа и Нижнего Поволжья, Салям отправился не куда-нибудь, а именно в районы Южного Приуралья, т. е. в страну башкир. Об этом необходимо сказать потому, что иногда пишут, будто Салям застал башкир не на Южном Урале, а где-то в Средней Азии. Это заблуждение. Хазарский каган (хакан) дал Салям Торджеману проводников, чтобы показать страны и народы, которые находились под властью или под влиянием Хазарии. *Как известно, в период наибольшего могущества Хазарии её влияние доходило до Уральских гор и реки Яик.* Начиная с середины IX в. хазары подчинили себе значительную часть племен Восточной Европы и в первую очередь Среднего Поволжья. До половины X в. прикамские булгары находились в зависимости от хазар и вынуждены были платить им дань. В свою очередь граница Булгарского царства на востоке доходила до Агидели, т. е. охватывала северо-западную Башкирию. Племена, жившие в Южном Приуралье, не просто были связаны с Хазарией, но и находились в очень близких экономических и культурных отношениях с нею. Так, например, материалы Уфимского и Стерлитамакского могильников середины и второй половины первого тысячелетия нашей эры показывают удивительное сходство погребального инвентаря и обряда с Северо-Кавказскими и Салтовскими могильниками того же времени. Костяки некоторых погребений на Северном Кавказе были, подобно костяку уфимского погребения № 2 из раскопок 1936 года, засыпаны мелкими круглыми бляшками в виде розеток из позолоченных тонких пластинок. Причем там и здесь они были похоронены в склепах.

Это говорит не только о сходстве предметов, но и о сходстве погребального обряда. Кстати, уфимские погребения, открытые в 1936 г., принадлежали семье богатой местной аристократии, связанной, по-видимому, с хазарской знатью.

Аль-Масуди пишет, что «...в стране хазарского царя, когда умирает мужчина, то сжигается с ним жена его живую, женщины их желают своего сожжения для того, чтобы войти с ними (мужьями) в рай». На такой трагический обычай указывают и уфимские погребения. Так, например, на территории башкирского театра оперы и балета в 1939 г. были обнаружены рядом два погребения — мужчины и женщины. Мужской костяк был в целости, а женский костяк был сожжен на большом костре. Эти погребения относятся к VIII—IX вв., т. е. ко времени наивысшего расцвета хазарского царства. Следовательно, Южный Урал входил не только в круг экономического и культурного влияния хазарского царства, но, как свидетельствуют уфимские погребения, был зоной миграции какой-то части населения из районов Хазарии. Кстати, из истории известно, что, когда арабы вторглись в глубь территории Хазарии в 737 г. н. э., хазарский каган со своими приближенными с небольшим числом войск бежал на север, к Уралу, с целью пополнения войска из подвластных хазарам и союзных с ними племен. Поэтому имеются все основания утверждать, что Салам Торджеман встретил башкир именно на этой территории.

Такой вывод подтверждается ещё одним неоспоримым фактом. По словам Истахри, страна буртасов (мордва) находилась в 20 днях пути от хазарской столицы. Поэтому вполне закономерно, что Салам добрался до страны башкир, т. е. до Южного Урала, через 27 дней. Если бы башкиры находились где-то в Средней Азии или за Уралом, то Саламу потребовалось бы в два или три раза больше времени пути, чем до Южного Урала. Ценность информации Салама заключается прежде всего в том, *что и в середине IX века сообщается о стране башкир на Южном Урале.*

Сведения другого восточного путешественника, Ибн-Даста, о башкирах относятся к 912 году; башкир он отождествляет с мадьярами. Мнение его в этом вопросе совпадает с сообщениями некоторых других восточных авторов.

Более подробное описание башкир оставил Ибн-Фадлан, который лично встречался с ними в 922 году во время своего путешествия к волжским булгарам. «После перехода через реку Канджалу (возможно, р. Кинель), — писал он, — ...мы прибыли в страну народа турок, называемого аль-башгирд». Ибн-Фадлану удалось зафиксировать особенности обычаев, религиозного и тотемического культов башкир тех времен.

К первой половине X в. относится ценное сообщение о башкирах другого арабского писателя аль-Балхи, который делил башкир на внутренних и внешних. Он, посетивший Башкирию и Булгарское государство, в своей «Книге видов земли» пишет о «нейтральном защитном лесу» у башкир. Аль-Балхи отмечает, что башкиры «так хорошо защищены своими лесами, что никто не может покорить их. Они подвластны булгарам».

Истахри и Ибн-Хаукаль пишут о башджиртах, часть которых *живет к югу от булгар, в недоступных лесах*. Якут (XIII в.) — составитель арабского географического энциклопедического словаря — упоминает о «*хребте башкир*», *находящемся в «седьмом климате»*. Под этим хребтом он, очевидно, разумел Урал, т. к. *под «седьмым климатом» восточные авторы подразумевали в основном районы Поволжья и Приуралья*. О башкирах упоминали и другие восточные писатели, в том числе аль-Масуди, эль-Идриси, Ибн-Саед и др.

Следует отметить противоречивый характер сообщения аль-Масуди о башкирах. Касаясь причин движения тюркских племен в конце IX в. в Европу, он писал, что оно было вызвано борьбой «...у моря Гурганча (Аральского) между ... четырьмя тюркскими племенами баджнак, баджане, баджгард и наукерде, с одной стороны, и гузами, карлуками и кимаками — с другой». Тот же Масуди сообщает, что четыре тюркских племени — баджнак, баджане, баджгард и наукерде были западными соседями хазар и алан и участвовали в войне с Византией за обладание городом Валандаром. Получается, что в одном месте баджгарды сражались у Аральского моря, а в другом месте они — западные соседи хазар и аланов и сражались против Византии. Одно с другим не сходится. Это противоречие у Масуди иногда путает и наших историков. Рассказ Масуди о войне печенегов с гузами, кимаками и карлуками у Аральского моря был поставлен под сомнение А. Ю. Якубовским, указавшим на отсутствие в этом районе в IX в. *кимаков и карлуков*. Критично относился к сообщениям аль-Масуди и Д. А. Хвольсон. По его мнению, *Масуди не имел ясных понятий о географии восточной и юго-восточной Европы. Например, Масуди считал, что город Булгар лежит на берегу Азовского моря.*

Следовательно, если не считать противоречивого сообщения Масуди, большинство восточных историков и географов локализируют башкирский народ с древнейших времен в пределах Южного Приуралья, т. е. в основном на современной территории Башкортостана. Таким образом, этноним «башкорт» по историческим источникам известен с конца VII в. и связан с Южным Уралом. Это подтверждается ещё тем, что *большинство восточных писателей говорят не просто о башкирах, а пишут о стране башкир, в связи с чем приходится думать, что этноним «башкорт» (башкир) зародился гораздо раньше середины IX в.* Чтобы о Южном Урале можно было говорить *как о стране башкир*, они здесь должны были жить довольно продолжительное время. Поэтому надо полагать, что этноним «башкорт» (башкир) зародился ещё раньше, не позднее VII в. н. э.

В заключение необходимо еще раз подчеркнуть, что археологические источники Южного Приуралья, особенно новые открытия памятников бронзовой эпохи — поселения Аркаим и Таналык, свидетельствуют о более глубоких исторических корнях башкирских племен и после детального, всестороннего их изучения, очевидно, придется по-новому осветить истоки башкирского народа.

Список литературы, использованной в работе

1. Руденко С. И. Башкиры. Историко-этнографические очерки. М.-Л., 1955.
2. Авижанская С. А., Бикбулатов Н. В., Кузеев Р. Г. Декоративно-прикладное искусство башкир. Уфа, 1964.
3. Збруева А. В. История населения Прикамья в ананьинскую эпоху//МИА. 30. Т. V. М., 1952. С. 128.
4. Крачковский И. Ю. Путешествие Ибн-Фадлана на Волгу. М.-Л., 1939.
5. Лепехин И. И. Дневниковые записи путешествия по разным провинциям Российского государства. СПб., 1822. С. 64.
6. Рыбаков Б. А. Древние элементы в русском народном творчестве//СЭ. 1948. № 1. С. 103.
7. Ахмеров Р. Б. Могильник близ г. Стерлитамака//СА. 1955. XXII. С. 154—176.
8. Вагнер Г. К. Древние мотивы в домовой резьбе Ростова-Ярославского//СЭ. 1962. № 4.
9. Белицер В. Н. Очерки по этнографии народов коми XIX—начала XX вв. М., 1958. С. 212, 337.
10. Шмидт А. В. К вопросу о происхождении пермского звериного стиля//Сб. Музея антропологии и этнографии. Л., 1927. Вып. VI. С. 131.
11. Гольмстен В. В. Могильник близ г. Уфы. М., 1913. Пшеничнюк А. Х. Охлебининский могильник//АЭБ. Т. III. Уфа, 1968. Рис. 6.
12. Рыбаков Б. А. Космогония и мифология земледельцев энеолита//СА. 1965. № 1.
13. Мухомидинов И. Стенные росписи жилищ в селе Ягид (Дарваз) и связанные с ними поверья и представления//СЭ. 1964. № 2.
14. Амброс А. К. Раннеземледельческий культовый символ (ромбы с крючками)//СА. 1965. № 3.
15. Чернецов В. Н. Наскальные изображения Урала. М., 1964. таблица XXV.
16. Смирнов А. П. Новая находка восточного серебра в Приуралье. М., 1957.
17. Воробьев Н. И. Казанские татары. Казань, 1953. С. 123.
18. Георгий. Описание всех обитающих в Русском государстве народов. СПб., 1799. Ч. I. С. 107.
19. Очерки по истории Башкирской АССР. Т. I. Уфа, 1956. С. 66—67.
20. Кирэй Мэргэн. Башкирский народный эпос. Уфа, 1961. С. 36—37.
21. Здобин С. П. По Башкирии (описано в 1928 г.)//Башкирия в русской литературе. Уфа, 1966. Т. IV. С. 130—132.
22. Мажитов Н. А. Новые материалы о ранней истории башкир//АЭБ. Т. II. Уфа, 1964.
23. Чернецов В. Н. Исчезнувшее искусство//СЭ. 1964. № 3.
24. Бикбулатов Н. В. Башкурды//Оренбургская газета, 1899. № 762.
25. Даль В. И. Башкирская русалка. Собр. соч. Т. VII.
26. Крашенинников Н. А. Из головы медведя//Башкирия в русской литературе. Т. III. Уфа, 1965. С. 284—285.
27. Пшеничнюк А. Х. Биктимировский могильник//АЭБ. Т. III. Уфа, 1968. С. 3.
28. Мажитов Н. А. Археология Башкирии. Уфа, 1968.
29. Ильинская В. А. Навершие из майконского и повочеркаского музеев//СА. 1967. № 4.
30. Черников С. С. Загадки золотого кургана. М., 1965.
31. Мажитов Н. А. Бахмутинская культура. М., 1968. Табл. 7.
32. Городцов В. А. Подчеремский клад//СА. 1937. № 2.
33. Ахмеров Р. Б. Новый уфимский могильник ананьинско-пьяноборского времени//СА. 1959. № 1.
34. Воицинина А. И. О связях Приуралья с Востоком в VI—VII вв. н. э.//СА. 1953. XVII.
35. Смирнов А. П. Ответ А. Х. Халикову, П. Н. Старостину, Е. А. Халиковой, А. Г. Петренко и др.//СА. 1974. № 2.
36. Худяков М. Г. Культ коня в Прикамье//ИГАИМК. Вып. 10. М.—Л., 1933.
37. Смирнов А. П. Очерки древней и средневековой истории народов Среднего Поволжья и Прикамья//МИА. 28. М., 1952.
38. Ахмеров Р. Б. Уфимские погребения VI—VIII вв. н. э.//Краткие сообщения института материальной культуры. 1951. Вып. XI. Рис. 36—38.
39. Голубева Л. А. Коньковидные подвески верхнего Прикамья//СА. 1966. № 3. С. 33.
40. Чернецов В. Н. Нижнее Приобье в I тысячелетии нашей эры//МИА. 58. Табл. XVIII—XII.
41. Авижанская С. А. Художественная обработка металла. Декоративно-прикладное искусство башкир. Уфа, 1964. С. 191.
42. Мажитов Н. А. Тайны древнего Урала. Уфа, 1973. С. 167.
43. Черемшанский В. М. Описание Оренбургской губернии в хозяйственно-статистическом, этнографическом и промышленном отношении. Уфа, 1859. С. 142.
44. Мингажетинов М. Х. Мотивы чудесного рождения героя в башкирских богатырских сказках//Эпические жанры устного народного творчества (Сб. БГУ/Под ред. А. Н. Киреева). Уфа, 1969. С. 61—63.
45. Игнатович А. Башкиры Бурзянской волости. Сб. статей, опубликованных в «Оренбургских губернских ведомостях» за 1862. С. 40.
46. Юматов В. Древние предания у башкиров Чубминской волости//Оренбургские губернские ведомости. 1848. № 7.
47. Киреев А. Н. Башкирский героический эпос. Уфа: Башкирнегиздат, 1970. С. 28—29.

48. Шмидт А. В. Уральское краеведение. Вып. I. Свердловск, 1927. С. 93.
49. Бадер О. Н. и Оборин В. А. На заре истории Прикамья. Пермь, 1958. С. 154.
50. Збруева А. В. Пермский всадник//ВДИ. 1950. № 1. С. 210.
51. Могильников В. А. Элементы угорских культур в материале хантыйского могильника Халас-Погор на Оби//АЭБ. Вып. II. 1964. С. 268.
52. Лосневский М. В. Обряды присяги инородцев Уфимской губернии — магометан и язычников//Уфимские губернские ведомости, 1877. № 17.
53. Степанов П. Д. Памятники угорско-мадьярских племен в Среднем Поволжье//АЭБ. Т. II. Уфа, 1964. С. 138.
54. Смирнов К. Ф. Савроматы. М., 1964.
55. Известия Императорской Археологической комиссии. Вып. 21—22//Уфимский край. 1907. № 11. 23 мая. 1907. С. 24.
56. Паллас П. С. Путешествие по разным провинциям Российской Империи. Ч. I. СПб., 1773.
57. Кастанье И. А. Древности Киргизской степи и Оренбургского края//Труды Оренбургской ученой архивной комиссии. Вып. XII. Оренбург, 1910.
58. Соколов Д. Н. Оренбургская губерния. М., 1916.
59. Пекарский П. П. Известия времен царя Алексея Михайловича о золотых и серебряных вещах и посылках, попадавших в татарских могилах в Сибири//Известия археологического общества. 1865. Т. V. I. С. 38—39.
60. Чудовищников А. П. Материалы по истории Башкирской АССР. Ч. I. М.-Л., 1936. С. 234.
61. Ахмеров Р. Б. Стерлитамакский могильник и его изучение//Археологические памятники Нижнего Прикамья. Казань, 1984. С. 27—39.
62. Ищериков П. Ф. Башкир Измаил Тасимов — зачинатель горного дела в России//Башкирский краеведческий сборник. № 2. Уфа, 1927.
- Шакиров А. Пусть будет премия имени Тасимова//Советская Башкирия. 1994. 2 июля.
63. Матвеева Г. И. Шареевский могильник//Сб. Из истории Башкирии. БГУ. Вып. 35. Уфа, 1968.

Список литературы, использованной в разделе VIII

1. Руденко С. И. Башкиры. Историко-этнографические очерки. М.-Л., 1955. С. 351.
2. Матвеев А. К. Древнеуральская топонимика и ее происхождение//Вопросы археологии Урала. Свердловск, 1961.
3. Камалов А. А. Данные гидронимии и проблемы этногенеза башкир//АЭБ. Т. IV. Уфа, 1971.
4. Дмитриев Н. К. К вопросу об изучении башкирского языка//Вопросы башкирской филологии. М., 1959.
5. Киекбаев Дж. Г. Фонетика башкирского языка. Уфа, 1958. С. 131, 135.
6. Гаринова Н. Д. Персидские элементы в именах башкир//Ономастика Поволжья. 1973. С. 84.
7. Лыткин В. И. Из истории словарного состава пермских языков//Вопросы языкознания. 1953. № 5. С. 58.
8. Аббасов В. И. Скифо-европейские изоглоссы. М., 1965. С. 51.
9. Татищев В. Н. История Российская. Т. I. М.-Л., 1962. С. 252.
10. Уметбаев М. Ядкар (памятники). Казань, 1898. С. 40, 67.
11. Заходер Б. Н. Каспийский свод сведений о Восточной Европе. Т. I. М., 1962. С. 37; Т. II. М., 1967. С. 36.
12. Башкирские легенды, составленные М. Х. Мингажетдиновым, А. Н. Киреевым. Уфа, 1969. С. 57.
13. Толстов С. П. По следам древнехорезмийской цивилизации. М. 1948. С. 146—147.
14. Кляшторный С. Г. Древнетюркские рунические памятники как источники по истории Средней Азии. М., 1964. С. 171—172.
15. Киекбаев Дж. Г. Вопросы башкирской топонимии. Ученые записи Башгоспединститута. Вып. VIII. Уфа, 1956. С. 232—233.
16. Гордеев Ф. И. О происхождении этнонима «башкир»//АЭБ. Т. IV. 1971. С. 318.
- Петров К. И. Там же. С. 334.
17. Мрясов С. Историческое прошлое башкир//Краеведческий сборник. №№ 3—4. Уфа, 1930.
18. Ахмеров Р. Б. Некоторые вопросы этногенеза башкир по археологическим данным//СА. 1952. № 3.
- Ахмеров Р. Б. Уфимские погребения IV—VII вв. н. э. и их место в древнейшей истории Башкирии//Древности Башкирии. М., 1970. С. 161—193.
19. Артамонов М. И. История хазар. М., 1962. С. 234—235.
20. Пантусов Н. П. Сведения арабских географов о Средней Азии//Извест. об-ва археологии, истории и этнографии Казанского университета. Т. XXV. Вып. 5. Казань, 1909. С. 95.
21. Готье Ю. Железный век Восточной Европы. 1930. С. 71.
22. Смирнов А. П. Волжские булгары. М., 1951. С. 5—22.
23. Гаркави А. Я. Сказания мусульманских писателей о славянах и русских. Спб., 1870. С. 129.
24. Хвольсон Д. А. Известия о хазарах, бургасах, булгарах, славянах и русских Ибн-Даста. Спб., 1869. С. 25—26.
25. Крачковский И. Ю. Путешествие Ибн-Фадлана на Волгу. М.-Л., 1939. С. 65—67.
26. Якубовский А. Ю. Вопросы этногенеза туркмен в 8—9 вв.//СЭ. 1947. № 3. С. 48—55.

Приложение

I. Список научных трудов Рауфа Бареевича Ахмерова

1. Обзор керамических мастерских эллинистического Херсонеса//Вестник древней истории. М., 1946. Вып. 2.
2. Амфоры древнегреческого Херсонеса//Вестник древней истории. М., 1947. Вып. 1.
3. Клейменные черепицы древнегреческого Херсонеса//Вестник древней истории. М., 1948. Вып. 1.
4. Синопские эллинистические амфоры//Вестник древней истории. М., 1948. Вып. 4.
5. Об астиномных клеймах эллинистического Херсонеса//Вестник древней истории. М., 1949. № 4.
6. О клеймах керамических мастеров эллинистического Херсонеса//Вестник древней истории. М., 1951. № 3.
7. Древние погребения в г. Уфе//Краткие сообщения института истории материальной культуры им. Н. Я. Марра. М., 1949. Вып. XXV.
8. Уфимские погребения VI—VIII веков нашей эры//Краткие сообщения института истории материальной культуры. М., 1951. Вып. XL.
9. Новые археологические находки в Башкирии//Краткие сообщения института истории материальной культуры. М., 1951. Вып. XXXIX.
10. Археологические памятники Башкирии ананьинского времени//Краткие сообщения института истории материальной культуры. Вып. XLVIII. М., 1952.
11. Некоторые вопросы этногенеза башкир по археологическим данным//Советская этнография. 1952. № 3.
12. Памятники срубно-хвалинской культуры в Башкирии//Краткие сообщения института истории материальной культуры. М., 1955. Вып. 59.
13. Могильник близ г. Стерлитамака//Советская археология. 1955. Вып. XXII.
14. Рецензия на книгу «Очерки по истории башкирской АССР». Т. I. Ч. I//Вопросы истории. М., 1957. № 6.
15. Рецензия на книгу Р. Г. Кузеева «Очерки исторической этнографии башкир»//Советская этнография. 1957. № 6.
16. Стекланный сосуд из уфимского погребения//Советская археология. 1958. № 3.
17. Новый уфимский могильник ананьинско-пьяноборского времени//Советская археология. 1959. № 1.
18. Серебряный кувшин из Башкирии//Советская археология. 1963. № 4.
19. Скала Тамга-Таш в Башкирии//Советская археология. 1968. № 4.
20. Статья о научной сессии по этногенезу башкир от 13—15 мая 1969 г. в Уфе//Вопросы истории. М., 1969. № 8.
21. Археологические находки в Башкирии//Советская археология. 1974. № 2.
22. Стерлитамакский могильник и его изучение//Сб. Археологические памятники Нижнего Прикамья. Казань. 1984.
23. Документальная повесть об односельчанах//Агидель. 1987. № 8.
24. Башкирский республиканский краеведческий музей. Путеводитель по залам музея. Уфа: Башкиргоиздат, 1968.
25. Знамена подвигов. Об историко-революционных знаменах, хранящихся в краеведческом музее. Уфа: Башкиргоиздат, 1969.
26. Плакат «Памятники борьбы за власть Советов в Башкирии». Уфа, 1961. На двух языках.
27. Плакат «Октябрьские дни в Башкирии в 1917—1918 гг.» Уфа, 1969. На двух языках.
28. Еще раз об этнониме «башкорт»//Учитель Башкирии. 1973. № 6.
29. О легенде «Янь-Ян» в истории Башкирии//Учитель Башкирии. 1985. № 3.
30. Об этнониме «башкорт»//Истоки. 1993. № 4 (49), №5 (50).
31. Символика коня в народном творчестве башкир//Известия Башкортостана. 1992. № 21.
32. Все сводится к человеку//Истоки. 1991. № 6.
33. Ибн-Фадлан и его встречи с башкирами в 922 г., т. е. в начале X в. н. э.//Истоки. 1991. № 19.
34. Наскальные знаки и этнонимы башкир. Уфа: Китап, 1994.

II. Статьи и очерки Р. Б. Ахмерова, опубликованные на страницах республиканских газет и журналов

1. Были ли сарматы на территории Башкирии?//Совет Башкортостана. 1969. 8 мая.
2. Откуда взято слово «башкорт»?//Совет Башкортостана. 1969. 13 мая.
3. Имеются ли связи между башкирскими и угро-финскими словами?//Совет Башкортостана. 1969. 14 мая.
4. Из истории осады Уфы пугачевцами//Советская Башкирия. 1973. 19 сент.

5. Новый труд ученого. Рецензия на работу Н. А. Мажитова «Южный Урал в VII—XIV вв.» // Совет Башкортостаны. 1977. 16 дек.
6. Г. В. Плеханов — пионер марксизма в России // Кызыл Башкортостан. 1946. 11 дек.
7. Здесь был великий Ленин // Кызыл Башкортостан. 1947. 21 янв.
8. В. И. Чапаев — легендарный герой // Кызыл Башкортостан. 1947. 28 янв.
9. Знамя чести и славы башкирского народа // Кызыл Башкортостан. 1947. 24 окт.
10. Дом-музей Мажита Гафури // Октябрь. 1948. № 3.
11. Место расположения пугачевских войск около г. Уфы // Совет Башкортостаны. 1954. 12 окт.
12. Петр Иванович Зенцов — один из организаторов Советской власти в Башкирии // Совет Башкортостаны. 1954. 3 нояб.
13. История Башкирии в экспозиции краеведческого музея // Совет Башкортостаны. 1954. 14 нояб.
14. Революционер Багау Нуриманов // Совет Башкортостаны. 1955. 11 нояб.
15. Иван Варфоломеевич Точиский — организатор Советской власти в Белорецке // Совет Башкортостаны. 1955. 11 нояб.
16. Очерки по истории Башкирии // Совет Башкортостаны. 1957. 21 мая.
17. В пещере Аскын // Совет Башкортостаны. 1961. 20 июля.
18. Татарский революционер-большевик Хусайн Ямашев // Совет Башкортостаны. 1962. 6 янв.
19. Ценные памятники истории (к 150-летию Отечественной войны 1812 г.) // Совет Башкортостаны. 1962. 6 июля.
20. Почему наш город называется Уфа? // Совет Башкортостаны. 1962. 29 дек.
21. Герасим Михайлович Мишенев. (О делегате II съезда РСДРП из Башкирии) // Совет Башкортостаны. 1963. 9 дек.
22. Взглянем на пройденное (об истории первых маев в Уфимской губернии) // Совет Башкортостаны. 1964. 1 мая.
23. Наш земляк герой Ахтям Бахтизин (к 70-летию со дня рождения) // Совет Башкортостаны. 1965. 21 янв.
24. Озеро «Урген» (Өргөн) // Совет Башкортостаны. 1972. 19 дек.
25. На страже границ родины. О ветеране пограничника и участнике Отечественной войны Ахмеров Кави Бареевиче // Совет Башкортостаны. 1978. 10 мар.
26. Славная жизнь Гайсина Гумера, бесстрашного командира и партизана Отечественной войны // Совет Башкортостаны. 1985. 15 мая.
27. Давайте проявлять бдительность. О крестьянской жизни и о земле // Башкортостан. 1992. 11 мар.
28. Истории, уроки о земле. О распродаже башкирской земли в конце XIX века, после отмены крепостного права // Известия Башкортостана. 1992. 30 июня.

Здесь дана часть статей, опубликованных в газетах и журналах, а остальные хранятся в архивах.

Список сокращений

МИА — Материалы и исследования по археологии СССР

АЭБ — Археология и этнография Башкирии

СА — журнал «Советская археология»

СЭ — журнал «Советская этнография»

БГУ — Башкирский государственный университет

ВДИ — Вестник древней истории

ИГАИМК — Известия Государственной академии истории материальной культуры

Содержание

5	Об авторе
9	Введение
11	I. О древних орнаментальных мотивах в одежде башкир
20	II. Солярная символика в искусстве башкир
26	III. «Древо жизни» и «богиня земли» в прикладном искусстве башкир
29	IV. Древние мотивы башкирского зооморфного орнамента
35	V. О формах линейно-геометрических орнаментов
41	VI. О символике коня в народном творчестве башкир
46	VII. Некоторые параллели в сфере производства и формах орудия труда башкир и древних племен края
52	VIII. Вопросы этногенеза башкир
56	Список литературы, использованной в работе
57	Список литературы, использованной в разделе VIII
58	Приложение

Научно-популярное издание

АХМЕРОВ Рауф Бареевич

ОБ ИСТОКАХ ДЕКОРАТИВНО-ПРИКЛАДНОГО ИСКУССТВА БАШКИРСКОГО НАРОДА

Заведующая редакцией *Р. М. Булякова*

Редактор *Г. Б. Данилова*

Художник *И. С. Файрушин*

Художественный редактор *Р. М. Рамазанов*

Технический редактор *Н. Я. Зарипова*

Корректоры *И. П. Пастушкова, В. Р. Яппирова*

ИБ № 5260

Сдано в набор 16.02.96. Подписано к печати 28.08.96. Формат бумаги 60 X 90¹/₈. Бумага офсетная. Гарнитура Тип Таймс. Печать офсетная. Условн. печ. л. 8,0. Усл. кр.-отт. 32,0. Учетн.-издат. л. 6,56. Тираж 7000 экз. Заказ № 178. Цена свободная.

Башкирское издательство «Китап». 450001, Уфа-1, ул. Левченко, 4а.
Уфимский полиграфкомбинат. 450001, Уфа, проспект Октября, 2.

